

ВОЙНА *и* **рабочий класс**

**ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ**

9

1 октября 1943 г.

**ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ТРУД“
МОСКВА**

В НОМЕРЕ:

О СРОКАХ ВОЙНЫ.	1
А. Б. — О Военно-Политической Комиссии союзных стран.	4
Академик Вл. ПОТЕМКИН — Период перед второй мировой войной и борьба Советско- го Союза за мир	5
О. КУУСИНЕН — Финляндия без маски. . .	15
К вопросу о поездке г. Бенеша в Москву . . .	21
Н. СЕРГЕЕВА — Американская печать о со- ветско-американских отношениях	23
К. ЛАВРИЕНКО, Н. ЛОСЕВ, Г. ВИЗНЕР — В кон- центрационных лагерях Франции и Северной Африки	28
Хроника международных событий.	32

Редактор — А. ДАНИЛОВ

Телефоны: К 5-36-07, К 4-75-34, К 5-54-90, К 3-93-57
Адрес редакции: Москва, Арбат, Калашный пер., 12

О сроках войны

Американский политический деятель Гарри Гопкинс, известный как активный поборник дела Объединённых наций, поместил недавно в журнале «Американ мэгэзин» статью, посвящённую перспективам войны. Автор несомненно прав, возражая людям, склонным недооценивать силы врага и ожидать «лёгкой победы» путём, например, одних только воздушных бомбардировок. Но из правильного утверждения, что враг всё ещё силен, автор делает вывод, что союзникам предстоят ещё, по крайней мере, два года тяжёлой борьбы на фронтах мировой войны. Автор считает, что это мнение разделяется также американскими военными кругами. «Я полагаю,— пишет он,— что мы одержим победу в 1945 году как против Германии, так и против Японии. Я не считаю, что это слишком долгий срок для такой победы».

Таким образом, по мнению Г. Гопкинса, война в Европе будет длиться не менее шести лет. Он не находит этот срок слишком долгим, принимая во внимание трудности борьбы с таким упорным врагом, как гитлеровская Германия.

Нам представляется, что такая точка зрения отражает довольно односторонний подход к делу. Конечно, с узкой военнотехнической точки зрения может показаться весьма заманчивым такой способ ведения войны, при котором спокойно, неспеша будут подготовлены огромные армии, располагающие невиданным численным и техническим превосходством над противником, и лишь затем эти армии приступят к решающей борьбе с врагом. Возможно, что при таком подходе к делу ещё два года — не столь уже долгий срок. Но такое представление о дальнейшем ходе войны не охватывает некоторых других сторон, не менее важных в условиях затянувшейся войны. Ведь война является не только гигантским столкновением военных машин. Война — это в основе своей явление социальное, политическое, а современная война приводит в движение

многие десятки и сотни миллионов людей во всём мире, коренным образом изменяя условия их существования, вынуждая их по-иному думать и действовать. Война обостряет существующие в современном обществе противоречия; она обостряет их и вызывает новые острые политические процессы тем в большей степени, чем дольше она затягивается. Эта сторона дела, естественно, не может быть сброшена со счетов при обсуждении перспектив войны и в особенности — вопроса о её сроках.

Позиция Советского Союза в вопросе о сроках войны совершенно ясна. Страна наша уже третий год ведёт смертельную борьбу, имея против себя почти всю мощь гитлеровской военной машины. Богатейшие области Советского Союза подверглись чудовищному опустошению со стороны гитлеровских разбойников, а значительная часть нашей территории и сейчас ещё находится в их руках. Каждый день войны уносит немало жизней советских людей, причиняет немалый ущерб нашей стране. Надо ли ещё доказывать, что Советский Союз кровно заинтересован в ускорении победы над врагом, в недопущении затягивания войны!

Но как обстоит дело с точки зрения наших англо-американских союзников? Можно ли считать, что для них вопрос о сроках войны является более или менее безразличным, а линия на затяжку войны не связана ни с какими отрицательными моментами? Конечно, нет!

Среди ряда последствий, возникающих в наше время в результате длительной войны, заслуживает серьёзного внимания тот факт, что по мере затягивания войны неизбежно изменяется соотношение между военным и политическим факторами, определяющими ход и исход войны. Чем дольше длится война, тем большее значение по сравнению с чисто военным фактором, т. е. действиями вооружённых сил, находящихся под полным контролем правительств, приобретают фак-

торы политического характера, сложные и противоречивые социальные процессы, в несравненно меньшей мере поддающиеся контролю и регулирующему воздействию со стороны правительств воюющих держав. Такое предположение вполне закономерно, оно подтверждается опытом истории войн.

Вспомним исторический опыт первой мировой войны. Она длилась свыше четырёх лет. К чему привело тогда затягивание войны? Одним из важнейших результатов первой мировой войны и связанного с нею политического кризиса было полное крушение царской империи в России, наступившее уже на третьем году войны и внесшее огромные изменения в систему сложившихся международных отношений. Спустя восемь месяцев после свержения царизма, в ходе ещё продолжавшейся войны и ещё более обострившегося политического кризиса, Октябрьская революция породила государство совершенно нового типа — советское государство рабочих и крестьян, ставшее в наши дни величайшей опорой народов в борьбе против фашизма. Как известно, всемирно-исторические события в России были далеко не единственным следствием вызванного войной политического кризиса. Огромные потрясения пережили и другие страны, прежде всего страны, потерпевшие поражение в войне. Кайзеровская Германия под влиянием затяжной войны и явной неспособности германской армии к дальнейшему сопротивлению потерпела внутренний крах раньше, чем на её территории вступили армии стран-победительниц. С какой бы точки зрения ни подойти к оценке событий, развернувшихся в Германии, Италии, Венгрии, во всей Центральной Европе в конце первой мировой войны и при переходе от войны к миру, одно несомненно: эти события оказались чреватými весьма серьёзными последствиями и в области международных политических и экономических отношений. Конечно, неумные люди находили сомнительное утешение в том, что все действия доведённых до отчаяния народных масс они приписывали проискам «зловредных агитаторов», повсюду они искали чью-то злокозненную «руку», но разве от этого результаты в какой-либо мере изменились?!

Далее, затяжка войны привела к чрезвычайному напряжению внутривойны положения и обострению социальных отно-

шений и в странах-победительницах. Вспомним положение дела во Франции. Уже летом 1917 года, т. е. к концу третьего года войны, возмущение затяжной войной в тылу и на фронте приняло такие размеры, что французское правительство оказалось в весьма тяжёлом положении. Недаром Пуанкаре в своих мемуарах называет 1917 год — «смутным годом». В его дневнике записи о массовых забастовках и волнениях в тылу чередуются с записями о солдатских бунтах и массовых расстрелах на фронте. Оценивая обстановку того же, 1917 года в Англии, Ллойд-Джордж писал: «Когда подумаешь о всё углубляющемся ожесточении борьбы, всё отдаляющейся перспективе победы и... о вызывающем поведении предпринимателей, удивляешься не тому, что волнения так широко разлились по стране, а тому, что они не приняли ещё более широких размеров». А в мемуарах У. Черчилля положение, создавшееся к концу войны, характеризуется следующими выразительными словами: «Случилось столько странных вещей, произошло такое ужасное крушение установленных систем, народы страдали так долго, что подземные толчки, почти судороги потрясали каждую государственную организацию».

Обратимся к обстановке нынешней войны. Известно, что в этой войне участвует ещё больше стран, чем в войне 1914—1918 годов, — она является подлинно мировой, так как военная гроза охватила весь мир. Несомненно, далее, что нынешняя война отличается ещё большим ожесточением, ещё большей разрушительной силой, чем война 1914—1918 годов. Наконец, надо учесть, что её продолжительность уже превысила сроки первой мировой войны. Можно ли в этих условиях сомневаться в том, что каждый лишний день и месяц войны всё больше и больше накаляет социальную атмосферу в странах, вовлечённых в водоворот войны, и прежде всего в странах Европы?

Голод и эпидемии, разорение и грабежи, бесправие и преследования, кровавый террор захватчиков — такова страшная повседневная участь десятков миллионов людей в странах, находящихся под железной пятой гитлеровской тирании. В Польше и Чехословакии, Франции, Бельгии и Голландии, Норвегии и Дании, Югославии и Греции народы испытывают невероятные лишения и страдания, рожающие беспредельную ненависть, отчаяние и гнев. Об этом свидетельствуют не

только героическая борьба югославских партизан, народная расправа с гитлеровскими палачами в Польше, во Франции, в Голландии, но и события, разыгравшиеся в самой «мирной» Дании.

Естественно, что народы оккупированных Гитлером стран стремятся скорее вырваться из войны, скорее освободиться от ига немецко-фашистских захватчиков. Народам Советского Союза, на долю которых выпали исключительные испытания, понятно это стремление оккупированных стран сократить сроки войны и покончить с гитлеровской тиранией.

В то же время в странах, союзных Германии, растёт недовольство затянувшейся войной, особенно в связи с новыми и новыми военными поражениями Гитлера и его сателлитов. Об этом наиболее ярко свидетельствуют события в Италии, где стремление вырваться из войны охватило широкие массы народа.

В затяжке войны теперь могут быть заинтересованы только гитлеровцы, которые потеряли уже веру в свою победу. Гарри Гопкинс несомненно прав, указывая, что гитлеровцы проявляют большое упорство в борьбе за своё существование. Он пишет: «Они боятся озлобленных масс Европы, разгневанного русского народа и справедливой кары Объединённых наций. Да, они должны бояться этого. Возможно, что они больше не надеются на победу, но они надеются на длительную, затяжную войну и компромисс». Гопкинс справедливо отвергает самую мысль о компромиссе с гитлеровцами. Но на этом нельзя останавливаться. Необходимо опрокинуть также имеющиеся у немецких фашистов расчёты на затягивание войны, в котором они видят свой последний якорь спасения.

Гитлеровцы продолжают подбадривать себя и пытаются ещё злорадствовать по поводу трудностей своего противника. Недавно газета «Берлинер локальанцейгер» в статье под заголовком «На кого работает

время?» писала: «Затяжка войны всё более усиливает голод и разруху в контролируемых в настоящее время Англией и США странах, как, например, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в Индии». Но это злорадство является лишь попыткой прикрыть тревогу и страх гитлеровцев перед приближающимся часом расплаты.

Ещё недавно гитлеровцы верили в победу и имели военные успехи. Теперь это ушло в область прошлого. После крупных успехов Красной Армии, выразившихся в мощном и глубоком наступлении на всём советско-германском фронте—от Чёрного и Азовского морей до Смоленска,—и после больших успехов англо-американских войск на средиземноморском театре войны, обеспечивших вступление войск наших союзников на территорию Италии, военное положение гитлеровской Германии коренным образом изменилось к худшему. Понятно, что теперь гитлеровцы ищут спасения в затягивании войны и спекулируют на обострении политического кризиса в Европе.

Между тем Советский Союз, Великобритания и Соединённые Штаты Америки, представляющие из себя сложившуюся мощную политическую и военную коалицию, располагают теперь громадными военными средствами, крупнейшими армиями и всем необходимым вооружением, чтобы не дать врагу затягивать войну. Теперь союзные страны имеют все предпосылки, чтобы решительно сократить сроки войны, с максимальным эффектом используя для этого имеющиеся в их распоряжении военные факторы. Дело только за соответствующими положительными решениями. Самый глубокий интерес народов союзных стран заключается теперь в том, чтобы те, от кого это зависит, практически решили вопрос о сокращении сроков войны, чтобы в этом вопросе не было дальнейших оттяжек. Решение вопроса о сокращении сроков войны — неотложное общее дело союзных стран.

О Военно-Политической Комиссии союзных стран

А. Б.

26 сентября в советских газетах было опубликовано сообщение, что в результате недавнего обмена мнениями между правительствами Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании учреждена Военно-Политическая Комиссия в составе представителей СССР, США и Великобритании с участием представителя Французского Комитета Национального Освобождения, и что местопребыванием Военно-Политической Комиссии на первое время избран город Алжир. Как указывалось в этом сообщении, первоочередной задачей Военно-Политической Комиссии намечается рассмотрение вопросов, связанных с условиями перемирия с Италией, и мероприятий по контролю за осуществлением этих условий, а также совместное обсуждение других аналогичных проблем на освобождаемых союзниками вражеских территориях.

По сообщениям английской печати, министр иностранных дел Великобритании А. Иден, говоря о создании Средиземноморской Комиссии, как он назвал Военно-Политическую Комиссию, заявил на собрании в Альбертхолле, что первой задачей этой Комиссии является разрешение проблем, связанных с перемирием, подписанным с Италией, и разрешение также проблем, связанных с освобождением оккупированных противником районов.

Так рисуются основные линии работы Военно-Политической Комиссии, поскольку о них можно судить по приведённым выше сообщениям. Надо сказать, однако, что это лишь общие линии работы, принципиальные установки, если можно так выразиться, будущей деятельности Военно-Политической Комиссии. Мы не имеем ещё более подробной и полной характеристики задач этой Комиссии. Однако уже сказанного достаточно для того, чтобы судить о большом значении вопросов, подлежащих рассмотрению Военно-Политической Комиссией. Надо полагать, что к числу таких вопросов в первую очередь должны быть отнесены вопросы, связанные с разнообразными мероприятиями, регулируемыми политико-административную жизнь страны. Сюда должна быть отнесена,

очевидно, также разработка различного рода деклараций, прокламаций, инструкций и других документов, какие должны выпускаться от имени Объединённых наций или от имени Военно-Политической Комиссии к местным властям или к местному населению. Само собой разумеется, вопросы военно-оперативного характера должны быть отнесены непосредственно к компетенции союзных главнокомандующих.

Весьма важной частью работы Военно-Политической Комиссии, должно быть, явится работа по контролю за осуществлением условий перемирия. Сюда относятся такие вопросы, как положение вооружённых сил Италии, как проблемы демобилизации, разоружения, эвакуации капитулировавших вражеских армий и дальнейшая их судьба. Дело контроля за осуществлением условий перемирия, подписанного с Италией, несомненно, должно привлечь к себе самое серьёзное внимание Военно-Политической Комиссии, которая должна учесть опыт первого периода капитуляции Италии и обеспечить недопущение в дальнейшем недочётов и таких фактов, как например бегство Муссолини и ряда других фашистско-итальянских главарей, ускользнувших из рук союзников.

Вполне естественно, что учреждение Военно-Политической Комиссии вызвало большой интерес в общественных и политических кругах всего мира и, в частности, в Великобритании и Соединённых Штатах Америки, широко обсуждающих вопросы, связанные с образованием этой Комиссии и предстоящей её деятельностью.

Так, английская газета «Таймс» писала в номере от 21 сентября, что проект учреждения этой Комиссии наряду с другими проектами, касающимися отношений трёх держав, встретил «сочувственное отношение со стороны британского народа, который видит в них прямой и вполне деловой способ более тесного сближения и совместной работы трёх главных союзников как в войне, так и в организации мира».

Говоря о таких функциях Военно-Политической Комиссии, как наблюдение за осуществлением условий перемирия в Италии

и обсуждение военных и политических проблем, связанных с судьбой сателлитов Германии, готовых отпасть от неё, газета «Таймс» подчёркивала, что для осуществления этих функций Военно-Политическая Комиссия должна располагать весьма широкими полномочиями. Нельзя не присоединиться к этому замечанию газеты «Таймс», так как без широких полномочий, способных обеспечить максимальную эффективность деятельности Военно-Политической Комиссии, нельзя и представить себе работы этой Комиссии. Кстати, следует отметить, что с высказанной газетой «Таймс» точкой зрения на компетенцию Военно-Политической Комиссии не вяжется мнение дипломатического корреспондента этой газеты, сводящееся к тому, что Военно-Политическая Комиссия является комиссией экспертов, в функции которой должно входить лишь представление заключений и советов своим правительствам. Такое представление о компетенции Военно-Политической Комиссии не соответствует задачам этой Комиссии, как они характеризуются приведёнными выше официальными советскими и английскими заявлениями.

Сотрудничеству трёх держав — Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании — в вопросах, касающихся Средиземного моря, придаёт большое значение и американская печать. «Нью-Йорк таймс», говоря о создании Средиземноморской Комиссии, как называет эта газета Военно-Политическую Комиссию, указывает, что она «может послужить мостом, связы-

вающим англичан и американцев с Советским Союзом в Европе».

«Включение Советского Союза в эту Комиссию,— пишет «Нью-Йорк таймс»,— даёт СССР возможность участвовать в разрешении экономических и политических проблем, касающихся всего Средиземного моря, в котором Россия традиционно заинтересована». Газета считает, что эта Комиссия «в течение длительного времени останется гражданским органом власти союзников в районе Средиземного моря».

В Советском Союзе Военно-Политической Комиссии придаётся серьёзное значение ввиду задач, поставленных перед нею правительствами трёх ведущих держав антигитлеровского блока. Военно-Политическая Комиссия, состоящая из представителей этих держав с участием представителя Французского Комитета Национального Освобождения, будет, надо полагать, содействовать всей своей деятельностью дальнейшему укреплению сотрудничества союзных стран и всех стран, борющихся против гитлеровской Германии и её сателлитов, во время войны, а также в послевоенный период.

Как известно, в настоящее время уже назначены представители СССР, Великобритании и Соединённых Штатов в Военно-Политическую Комиссию в лице А. Я. Вышинского (СССР), Макмиллана (Великобритания), Вильсона (США). Надо ожидать, что в ближайшее время Военно-Политическая Комиссия приступит к своей работе.

Период перед второй мировой войной и борьба Советского Союза за мир*

Академик Вл. ПОТЕМКИН
ОТ ЛОКАРНО К МЮНХЕНУ
(1925—1938)

«Водораздел между годами войны и годами мира»,—характеризовал участник Локарнского соглашения, тогдашний британский министр иностранных дел Остин Чемберлен историческое значение Локарнского договора. «Наиболее серьёзное достижение

дипломатии в деле замирения и восстановления Европы со времени перемирия»,—оценивала Рейнский пакт газета «Морнинг пост». Хору этих славословий вторил голос маститого дипломата Англии лорда Грея. 11 ноября 1925 года, выступая на митинге «друзей Лиги наций» в Манчестере, бывший министр иностранных дел Великобритании заявил, что Локарно «устраняет угрозу воз-

* Продолжение. Начало см в № 8 нашего журнала.

никновения в Европе двух дипломатических группировок, — как это было тогда, когда Франция создавала один блок, а Германия — другой».

Действительность не оправдывала этих оптимистических предсказаний. «Мы далеки от мира...» — меланхолически размышляла французская газета «Тан» после Локарнской конференции.

Английская дипломатия торжествовала победу: в Локарно ей удалось поставить Францию на одну доску с Германией; при этом обе страны вместе с Бельгией подчинялись англо-итальянскому контролю. Единомышленники Чемберлена не скрывали своего злорадства. «После Локарно, — возвещала газета «Таймс», — Франция и Германия находятся в совершенно одинаковом положении». «Теперь нет больше союзников... этот военный термин пора вычеркнуть из политического лексикона», — заявлял сам Чемберлен.

Легко себе представить, как воспринимались во Франции эти декларации бывших союзников! Самоуверенность и бесцеремонность английской опеки возмущали французских империалистов. Победу над Германией они приписывали прежде всего своему национальному оружию. Версальским договором они рассчитывали утвердить в Европе французскую гегемонию. С Германией они предпочитали договариваться без навязчивых посредников. Немецкая дипломатия не уклонялась от переговоров с французами. Рознь между победителями не оставалась для неё тайной. Немцы лавировали между англичанами и французами, разжигая в своих интересах их соперничество.

Летом 1924 года в Эссен прибыл председатель «Комите де Форж»; целью его приезда было выяснить возможность сотрудничества магнатов французской металлургии с германскими углепромышленниками. Последовали переговоры в Берлине, Брюсселе, Париже. Плодом их явились такие франко-германские соглашения, как «стальной пакт» (30 сентября 1926 года) и «железный пакт» (6 ноября 1926 года). Так, без помощи английских опекунов, хозяева Франции сами искали путей к сговору с Германией.

Англичане не оставались в долгу. Их дипломатия усердно внушала немцам, что авансы французских капиталистов не заменят для Германии поддержки деловых кругов лондонского Сити и дипломатической помощи Даунинг-стрит. В пику французам англий-

ская дипломатия заигрывала и с Италией. В начале декабря 1925 года в Раппало состоялось интимное совещание Остина Чемберлена с Муссолини. Дипломатическим результатом этих переговоров явился обмен нотами 14—20 декабря 1925 года между британским послом в Риме Грэхемом и Муссолини. «Ввиду отношений взаимного доверия, установившегося столь счастливым образом между обоими правительствами», Англия выражала готовность предоставить Италии ряд экономических и политических позиций в Абиссинии.

Англо-итальянская сделка всполошила абиссинского негуса. Он обратился в Лигу наций, протестуя против соглашения третьих держав за счёт Абиссинии. Франция и США поддержали этот демарш. Англичане с итальянцами благоразумно регировались: они поспешили заверить Лигу, что отнюдь не имели в виду раздела Абиссинии. Это не помешало итальянской печати яростно обрушиться на Францию. Она упрекала французов в том, что они указали Абиссинии «дорогу в Женеву». В этом итальянские империалисты усматривали «опасный прецедент».

Вскоре и англичане взяли свой реванш: в январе 1926 года заключено было англо-итальянское соглашение о военных долгах Италии; оно предоставляло итальянцам некоторые льготы при выплате этих долгов Великобритании. Английская дипломатия этим не ограничилась. Она помогла заключению договора дружбы между Италией и Испанией, подписанного 7 августа 1926 года. Теперь уже французская пресса забила тревогу. Она утверждала, что итало-испанский договор содержит ряд секретных статей. В них якобы предусмотрен передел французских колоний в Северной Африке, при этом будто бы испанское правительство соглашалось предоставить Италии Балеарские острова для контроля морских сообщений Франции с её африканскими владениями. Так, руками своих пособников, «владычица морей» расставляла мины на путях своего бывшего союзника... Летом 1926 года английская эскадра навестила порты Югославии в Адриатическом море. Цель этого внезапного визита была ясна. Нужно было наглядно продемонстрировать сильнейшей спутнице Французской республики на Балканах грозную мощь Великобритании и предупредить Югославию против односторонней профранцузской ориентации.

Не теряла времени и французская дипло-

матия. В свою очередь она спешила укрепить позиции Франции на Балканах и на Ближнем Востоке. 30 мая 1926 года была подписана франко-турецкая конвенция о дружбе. На это Англия немедленно ответила заключением дружественного договора с той же Турцией 5 июня 1926 года.

Пройдёт ещё несколько дней — и Франция подпишет договор о дружбе с Румынией, а затем и союзный договор с Югославией. На этот раз обскакать французскую дипломатию возьмётся новоявленный партнёр Англии — Муссолини. 16 сентября 1926 года Италия заключит с Румынией договор «о дружбе и сердечном сотрудничестве».

Та же Италия, следуя примеру Англии, нажимала и на Югославию. 27 ноября 1926 года был подписан в Тиране итало-албанский пакт о «дружбе и безопасности». Тиранский договор фактически устанавливал протекторат Италии над Албанией. Более того: он приобретал значение прямой угрозы, направленной со стороны Италии против Югославии и стоявшей за нею Франции.

Чемберлену оставалось только поощрять своего проворного итальянского партнёра. Осенью 1926 года английский премьер выехал в Ливорно на новое свидание с Муссолини. Вскоре после этого итальянский империализм заговорил вызывающим языком. Своей целью он уже провозглашал создание «великой Италии» — в границах Римской империи цезарей. Версальскую систему он объявлял «национальным врагом» Италии, Лиге наций давал уничтожающую оценку. Муссолини требовал признания преимущественных интересов Италии в бассейне Средиземного моря, на Балканах, в придунайских областях. Наиболее запальчивые его единомышленники шли дальше: они распространяли притязания «великой Италии» на Чёрное море, на Кавказ, на турецкие вилайеты, даже... на Персию с Афганистаном.

На одном из дипломатических приёмов в Анкаре, не стесняясь присутствием руководителей турецкого правительства, итальянский посол Чезаре Монтанья громогласно распространялся о том, что Италия страдает от перенаселения; она нуждается в новых землях, в источниках сырья, в рынках сбыта; ей по праву должны принадлежать плодородные области Адалии, Аданы, Смирны. Если Италии добровольно не уступят этих районов, она силой «взломает их двери».

Наглюющий итальянский империализм открыто включал войну в свою политическую

программу. «Восемь миллионов итальянцев готовы броситься в бой...», «Война — огонь очистительный: она исцеляет и крепит дух нации...» — такие лозунги выбрасывала фашистская печать.

Сам Муссолини в напыщенной статье, помещённой в итальянской энциклопедии, славословил войну как высочайшее призвание мужественных народов.

Чувствуя за собой покровительство британского льва, итальянский шакал пробовал усвоить повадку царственного зверя.

Кто же потворствовал дерзким замыслам авантюристов, возомнивших себя наследниками римских цезарей? Те же «умиротворители» из лагеря Чемберлена, что вскармливали и немецкого зверя. Своими руками ковали они железо будущей оси Рим—Берлин, острие которой в конце концов обратится против них самих.

1926 год ознаменован был поветрием «дружественных» международных соглашений. Можно ли было видеть в этом доказательство действительного умиротворения Европы? Можно ли было думать, что вдохновители этой политики искренно заинтересованы в стабилизации международных отношений?

События показали, что эпидемия блоков и группировок, охватившая капиталистическую Европу, означала не что иное, как расстановку сил для новой войны. Напрасно заверяла английская дипломатия, что она стремится установить равновесие на европейском континенте. Вместо равновесия получались англо-французские качели. Всё острее становилось соперничество между державами-победительницами; всё смелее подымали голову агрессоры, готовившиеся к новому переделу мира; в нападении на Советскую Россию и разграблении её богатств искали выхода из тупика капиталистические правительства.

Не о мире между народами, а о борьбе против страны Советов думали сателлиты Франции — Румыния и Польша, — возобновляя в 1926 году свой военный союз, заключённый ещё 1 марта 1923 года. Не миролюбивым, а враждебным России актом был франко-румынский договор от 10 июня 1926 года, санкционировавший разбойничий захват Румынией Бессарабии. Не к умиротворению северовосточной и юговосточной Европы стремилась английская дипломатия, стараясь сколотить балтийское и балканское Локарно: английские империалисты думали о своём: они пытались создать такие между-

народные группировки, которые могли бы служить «санитарным кордоном» против Советской России, а в случае нужды и плацдармом для прямого нападения на её территорию.

Враждебным замыслам империалистов правительство Советского Союза противопоставляло свою последовательную политику мира. В период 1925—1927 годов им был заключён ряд дружественных международных договоров: о дружбе и нейтралитете — с Турцией 17 декабря 1925 года, с Германией — 24 апреля 1926 года, с Литвой — 28 сентября 1926 года; о нейтралитете и ненападении — с Афганистаном 31 августа 1926 года, с Ираном — 1 октября 1927 года; ещё ранее, 31 мая 1924 года, подписан был китайско-советский договор.

Враги Советского Союза не унимались. Они не хотели мириться с фактом быстрого возрастания международного авторитета Советского Союза. Рассчитывая втянуть СССР в военные конфликты, они не останавливались перед актами прямой провокации. Нападение на советское полпредство в Пекине 6 апреля 1927 года; полицейский разгром англо-советского акционерного общества «Арко» в Лондоне 12 мая 1927 года; опубликование 26 мая 1927 года в английской Белой книге фальшивых документов с целью скомпрометировать деятельность советских представителей в Англии; нота Чемберлена от 27 мая 1927 года о разрыве дипломатических отношений между СССР и Англией; расторжение англо-советского торгового соглашения; вооружённое нападение на советских дипкурьеров Нетте и Махмасталя в феврале 1926 года в Латвии; убийство советского посла Войкова в Варшаве 7 июня 1927 года; попытка покушения на поверенного в делах СССР в Польше 2 сентября 1927 года; покушение на торгпреда СССР в той же Польше летом 1928 года — таков ряд наиболее характерных фактов, в которых выразилось стремление империалистов втянуть СССР в войну и сорвать мирную работу страны Советов по восстановлению своего хозяйства.

Подготовка империалистов к новым войнам сопровождалась бешеной гонкой вооружений. Это вызывало тревогу международного общественного мнения. Чтобы усыпить беспокойство широких масс, правительства империалистических стран прибегали к пацифистской маскировке. 24 сентября 1926 года на 6-й сессии Лиги наций было принято ре-

шение о подготовке конференции по сокращению и ограничению вооружений.

К участию в работах подготовительной комиссии по разоружению был привлечён и Советский Союз. Как же были встречены предложения его делегации немедленно заключить международную конвенцию о всеобщем и полном разоружении? Французский делегат «социалист» Поль Бонкур иронически благодарил советскую делегацию за столь «ценные предложения». Однако он заявил, что Лига наций отказывается от «упрощённого подхода к запутанной и сложной проблеме». На следующей, 5-й сессии подготовительной комиссии делегат Великобритании лорд Кашендэн запальчиво допытывался, какими «скрытыми мотивами» внушены советскому правительству его «драматически-внезапные предложения». Даже буржуазная печать вынуждена была признать неуклюжее выступление разгневанного лорда «замечательным актом саморазоблачения». В конце концов советский проект был отклонён.

Международное общественное мнение пыталось обмануть пацифистской шумихой вокруг пакта Бриана—Келлога о запрещении войны как орудия национальной политики. Авторы этого проекта преследовали далеко не бескорыстные цели: Бриану нужно было поднять международный престиж Франции и сговориться с Соединёнными Штатами об урегулировании военных долгов; Келлог рассчитывал ослабить влияние Лиги наций, стремясь обеспечить Соединённым Штатам роль международного арбитра.

Советский Союз не был привлечён к участию в переговорах о пакте Бриана—Келлога. Он ясно видел все несовершенства этого проекта. Тем не менее он принял предложение примкнуть к новому договору, якобы служащему делу мира. Этого мало: не дожидаясь ратификации пакта всеми 14 государствами — его участниками, — правительство СССР предложило своим ближайшим соседям подписать протокол о немедленном введении в действие договора Бриана — Келлога. Этот документ и был подписан в Москве 9 февраля 1929 года Советским Союзом, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией. Несколько позже к Московскому протоколу присоединились Турция, Персия и Литва.

Мировой экономический кризис, разразившийся в конце 1929 года, содействовал крайнему обострению международной обстановки. Ещё настойчивей, чем раньше, агрессивные элементы империалистических стран

принялись готовить войну против СССР. Начались провокационные кампании против советского «демпинга» и «принудительного труда»; возник проект пан-Европы Бриана, рассчитанный на создание блока европейских государств против Советского Союза. Усилилась подрывная работа империалистической агентуры и внутри Советской страны. Впоследствии выяснилось, что к весне 1930 года готовилась новая военная интервенция против СССР. Намечался созыв международного антибольшевистского конгресса. Папа Пий XI в послании к генеральному викарию в Риме кардиналу Помпелли призывал верующих всего мира к «молитвенному крестовому походу против СССР». Еврейские раввины в Польше объявляли «антисоветский пост»... Работу шпионов, вредителей и диверсантов в Советском Союзе направляли французский и немецкий генеральные штабы. Во Франции этим ведал генерал Жаннен. В Германии глава рейхсвера Сект с 1923 по 1930 год израсходовал на субсидии троцкистам и бухаринцам до 2 миллионов золотых марок.

Усиленно готовясь к «исправлению» своих границ на Востоке, Германия стремилась укрепить свои позиции и в Центральной Европе.

19 марта 1931 года было подписано соглашение Курциуса—Шобера о создании австро-германского таможенного союза. Вскоре, однако, Курциусу и Шоберу пришлось заявить, что они аннулируют свой договор. Затем последовала отставка обоих министров. Причиной явились дипломатические протесты Лондона и Парижа против нарушения Версальского договора. Развязка ускорена была нажимом французских банков, прекративших отпуск кредитов центральному банку Австрии. Было очевидно, что Германия ещё не достаточно сильна, чтобы произвести взрыв версальского режима.

Впрочем, у немецких ревизионистов оказывались единомышленники и за океаном. В Соединённых Штатах Америки всё ещё жила неприязнь к Версальскому договору, которым американцы были отстранены от руководства делами Европы. К тому же в связи с принятием плана Дауэса, проекта Юнга, моратория Гувера американский капитал, вложенный в немецкие банки и предприятия, склонен был оказывать покровительство немцам.

23 октября 1931 года председатель сенатской комиссии по иностранным делам США

Бора выступил на очередной пресс-конференции с заявлением о необходимости пересмотра некоторых положений Версальского договора,— в частности, о Польском коридоре, о Верхней Силезии, о репарациях. Декларация Бора вызвала оглушительный шум в мировой печати. Общее возбуждение ещё усилилось, когда, два дня спустя, в Неаполе с громовой речью выступил Муссолини. «Как можно говорить о реконструкции Европы,— патетически восклицал глава фашистской Италии,— пока не пересмотрены некоторые статьи мирных договоров, которые привели весь мир на грань материального крушения и морального отчаяния?!» Пресса кричала о неизбежности пересмотра Версальского договора. Мнения расходились лишь в одном— будет ли эта ревизия проведена в порядке мирного соглашения или же проблема будет разрешена применением силы.

На Дальнем Востоке этот спорный вопрос уже разрешался в пользу силы.

В пресловутом меморандуме Танака, опубликованном в сентябре 1931 года, японский империализм призывал к войне за новый передел мира. Вашингтонский договор девяти держав объявлялся «самоубийством Японии». Меморандум намечал головокружительный план вооружённого захвата огромных территорий под знаменем паназиатского владычества Японии.

От слов японские империалисты уже переходили к делу: в ночь на 19 сентября 1931 года войска Японии ворвались в Манчжурию.

Что же предпринимали создатели послевоенного «мира» для его защиты? Что сделала Лига наций для обуздания японского агрессора? Английская дипломатия, уже начавшая в Лондоне переговоры с японцами о разделе Китая на сферы влияния, заняла в японо-китайском конфликте прояпонскую позицию. 11 января 1932 года газета «Таймс» многозначительно отмечала, что Китай «не представляет собой целостного государства»; поэтому-де Япония с ним и не считается. 22 марта министр иностранных дел Англии Саймон распространялся в палате общин о «дружелюбно-примирительных методах, которые применяет в отношении Японии правительство Великобритании». 27 февраля 1933 года Остин Чемберлен выступил с прямым обвинением Китая в провокации в отношении Японии. Сам премьер признался, что его собственные симпатии—на стороне Японии. Комиссия Литтона, направленная Ли-

гой наций для обследования положения в Манчжурии, вернулась в Женеву с двусмысленными заключениями: она высказывалась за сочетание территориальной и административной целостности Китая с широкой автономией Манчжурии и признанием в этой провинции особых интересов и прав Японии. Фактически японский агрессор оставался безнаказанным. Более того: он открыто издевался над европейскими «миротворцами». Факт поразительный: известие о бомбардировке Шанхая японцами было получено в Женеве в самый день открытия международной конференции по разоружению. По свидетельству Нейль-Деккера, личного секретаря Гендерсона, председателя комиссии, японское командование вполне сознательно подготовило этот театральный эффект. Идея его была предварительно одобрена владельцами некоторых крупнейших европейских военных заводов, явно заинтересованными в разжигании войны.

27 марта 1933 года Япония заявила о своём выходе из Лиги наций: она спешила развязать себе руки, чтобы действовать без всяких помех. Так запылал на Дальнем Востоке первый очаг будущей второй мировой войны.

Пример Японии не остался без подражания: ещё в конце июля 1932 года Германия демонстративно покинула конференцию по разоружению; в октябре 1933 года, вслед за Японией, она выходит из Лиги наций. В это время у власти в Германии уже стоял Гитлер. Можно ли было не понимать, что сулит миру это господство автора «Моей борьбы»? Но близорукие руководители английской, французской и американской дипломатии и на этот раз успокаивали общественное мнение. Они заверяли, что с Гитлером можно будет договориться. «Сохранение в кабинете Гитлера такого опытного министра иностранных дел, как фон Нейрат, — писала «Таймс», — гарантирует преемственность внешней политики Германии». «Манчестер гардиен» выражала надежду, что вице-канцлер фон Папен, якобы известный своими симпатиями к французам и женатый на французке, добьётся соглашения с Францией. Американская буржуазная пресса утверждала, что в дипломатических кругах Вашингтона канцлерство Гитлера «не возбуждает серьёзных опасений».

Сам Гитлер делал всё, чтобы усыпить тревогу держав-победительниц. Он заверял, что всё внимание Германии обращено на восток

Европы. Там немцы обретут необходимое им «жизненное пространство». Там лежат будущие рынки Германии. Там руками Германии уничтожена будет большевистская зараза, угрожающая всему капиталистическому миру.

Заверениям Гитлера вторил из Рима Муссолини. Дипломатическим канцеляриям Франции, Англии и Германии уже сообщено было предложение главы фашистской Италии о заключении «пакта четырёх». Этот договор якобы должен был упрочить мир в Европе, вручив управление её судьбами правительствам четырёх великих держав.

В марте 1933 года для переговоров с Муссолини прибыл в Рим медоточивый премьер Англии из лейбористов — Макдональд. Эта поездка главы кабинета подверглась убийственной критике со стороны представителя оппозиции Уинстона Черчилля. Издеваясь над паломничеством Макдональда в новую Каноссу, Черчилль саркастически рекомендовал «достопочтенному джентльмену» заняться более серьёзными и неотложными внутренними делами: пусть руководство внешней политикой он предоставит более опытным людям. Всё же 7 июня «пакт четырёх» был подписан. Невзирая на сарказмы Черчилля Макдональд заносил этот договор в актив своей политики «умиротворения». Муссолини торжествовал: он уже предвкушал своё участие в дипломатических конференциях за круглым столом, где Италия вместе с Германией и Англией составят общий фронт против Франции. Повидимому, не возражал против такой перспективы и Гитлер.

Но Франция лишь скрепя сердце шла на подписание «пакта четырёх». В её глазах он являлся продолжением антифранцузской линии Локарно; к тому же новорожденная директория грозила свести на-нет Лигу наций. Это означало тяжёлый удар по всей системе дружественных и союзных связей Французской республики. Малая Антанта предавалась на волю Гитлера и Муссолини.

Польское правительство было в смятении. Его посол в Риме Высоцкий давал в Варшаву тревожные сигналы. Оказывается, в уповании дипломатическим успехом Италии, начальник кабинета Муссолини барон Алоизи уже хвастался во всеуслышание, что «дуче» поможет Гитлеру вернуть Данциг и Польский коридор. Варшавское правительство спешило поручить своему послу в Берлине Липскому найти способы предупредить эту

опасность, заключив с Гитлером миролюбивое соглашение. Гитлер не уклонялся от этих переговоров. Что стоило ему выдать новый фальшивый вексель? 26 января 1934 года за подписями Нейрата и Липского опубликовано было соглашение между Германией и Польшей, заключённое на десятилетний срок. В нём заявлялось об установлении прочной дружбы между Польшей и Германией и об отказе их от применения силы при разрешении спорных вопросов.

Так водворялся в Европе «мир», под обманчивым покровом которого шла усиленная подготовка к новой войне. Лишь советское правительство ясно видело опасность политики заигрывания с агрессорами, проводимой под видом «умиротворения Европы». Серия пактов о ненападении, заключённых Советским Союзом с Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией, Афганистаном, конвенция об определении агрессора, подписанная правительством СССР со всеми сопредельными странами, не исключая Румынии, а также с Чехословакией и Югославией, являлись действительным выражением усилий Советской страны защитить мир против поджигателей войны.

В этом плане намечалось и сотрудничество советской дипломатии с французской. Чувствуя ослабление своих связей с Малой Антантой и Польшей, стоя лицом к лицу с такими соседями, как гитлеровская Германия и Италия Муссолини, Франция, естественно, искала новой опоры. Так возник советско-французский проект восточно-европейского пакта о взаимопомощи. Германия отказалась от участия в этом договоре. Польский министр полковник Бек угодливо пошёл за своим немецким патроном. Государствам, заинтересованным в мире, приходилось подумать о более организованном сотрудничестве с Советским Союзом. 15 сентября 1934 года Советскому Союзу поступило предложение от 34 государств войти в состав членов Лиги наций. Получив согласие, 18 сентября 1934 года общее собрание Лиги наций вынесло решение о принятии СССР в состав её членов.

Убеждённым проводником политики сближения с СССР в целях обуздания агрессоров и организации системы коллективной безопасности являлся престарелый министр иностранных дел Франции Луи Барту. Поджигатели войны решили убрать этого искреннего французского патриота. Злодейское убийство французского министра в Марселе

было актом террора, направленным против защитников международного мира. Преемник Барту Лаваль вступает на путь прямого сговора с Гитлером и Муссолини. Римские соглашения, заключённые в январе 1935 года, предоставляли Муссолини выгодные стратегические позиции на африканском берегу против Баб-Эль-Мандебского пролива, пакет акций французской железной дороги Джибути — Аддис-Абеба и, что важнее всего, свободу действий против Абиссинии.

По возвращении Лаваль в Париж в откровенных беседах ему задавали вопрос: зачем он поощрял Муссолини к нападению на Абиссинию? Подмигивая и ухмыляясь своим щербатым ртом, «торговец фигами» и «цыган», как величали Лаваль его соотечественники, выбалтывал свои «дипломатические» расчёты: Италия, видите ли, перенаселена. Собственные ресурсы страны ничтожны. Она стремится выйти из своего тесного сапога. Она хочет добыть новые земли, рынки, источники сырья. Было бы бедой для Европы, если бы итальянская экспансия прорвалась на Балканы, в Дунайские области или на Ближний Восток. Это повело бы к общеевропейской войне. Почему же не отвести в сторону, не «канализировать» этой беспокойной итальянской стихии? Пусть устремится она в африканские пустыни. Тогда Франция со своими друзьями и союзниками и вся Европа будут спать спокойно...

Едва Лаваль покинул Рим, как фашистский Большой Совет объявил, что, на случай возможных осложнений, правительством будут приняты необходимые военные меры. Девять месяцев спустя, в октябре 1935 года, итальянские войска уже вторглись в Абиссинию. Кроме Дальнего Востока ещё один очаг войны запылал на путях из Европы в Африку и Азию.

Ту же политику сговора и уступок проводил Лаваль и в отношении гитлеровской Германии. В момент плебисцита, решавшего судьбу Саарской области, 13 января 1935 года, Лаваль открыто отступился от защиты национальных интересов Франции. Фашистскому зверю был угодливо брошен жирный кусок. Разбойничья дипломатия Гитлера спешила ещё шире использовать благоприятную ситуацию. 16 марта 1935 года Германия открыто отказывается от выполнения условий, установленных военными статьями Версальского договора. Она вводит обязательную воинскую повинность населения; численность германской армии в мирное время она

определяет в 12 корпусов, 36 дивизий. Германский агрессор начинал чувствовать себя хозяином положения. Он бросал прямой вызов державам-победительницам.

Общественное мнение Франции было встревожено. Оно настойчиво требовало от Лавалля скорейшего заключения франко-советского пакта о взаимопомощи. 2 мая 1935 года, уступая давлению общественного мнения, напуганного ростом немецко-фашистской агрессивности, Лаваль подписал этот договор. Спустя две недели, 16 мая, подписан был и советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. В кругах, близких к французскому министру иностранных дел, проговаривались, что Лаваль предварительно заручился согласием Гитлера на «тур вальса» с СССР. Лаваль решил даже на поездку в Москву. Однако перед своим отъездом он заверил германского посла в Париже Вельчека, что подписание франко-советского договора отнюдь не исключает теснейшего франко-германского сотрудничества. Более того: в любой момент можно будет и пожертвовать этим договором, если это понадобится для полного и окончательного соглашения Франции с Германией. Те же успокоительные объяснения, по поручению Лавалля, угодливо представлены были Гитлеру французским послом в Берлине Франсуа Понсэ.

На обратном пути из Москвы, в Варшаве, Лаваль уверял полковника Бека, что Франция, заключая пакт с Советским Союзом, отнюдь не рассчитывала всерьёз заручиться помощью СССР или сама помогать большевикам в случае нападения на них какого-либо агрессора. Франко-советский пакт 2 мая 1935 года был для Лавалля будто бы лишь средством приобрести поддержку демократических масс французского населения и предупредить возможность сближения между СССР и Германией.

Повидимому, теми же доводами успокаивал Лаваль и своих английских друзей, встревоженных сближением СССР с Францией. Ещё 26 апреля 1926 года английский посол в Париже Кларк сообщал Лавалю, что английское правительство боится, как бы Франция не подписала с СССР соглашения, могущего втянуть её в войну с Германией. Как и французские реакционеры, единомышленники Остина Чемберлена не хотели ссориться с гитлеровской Германией: ведь она должна была служить постоянной остраст-

кой для великодержавной Франции; ещё важнее было то, что она бралась расправиться с коммунизмом.

Всё же, несмотря на успокоительные заверения Лавалля, заключение франко-советского договора взаимопомощи вызвало переполох в реакционных кругах английской общности. Поднялся крик, что в Европе усиливается «большевистское влияние». От правительства требовали скорейших переговоров с Германией. В Лондон явился Иоахим фон Риббентроп. Он принят был с чрезвычайным радушием. 18 июня 1935 года было подписано англо-германское морское соглашение. Вопреки условиям Версальского договора, им узаконялось создание германского военного флота, почти равного французскому. Одновременно немцам предоставлялось право строить подводные лодки с общим тоннажем до 45% подводного флота Великобритании. Так отступала владычица морей перед напором германской агрессии. Национальные интересы Великобритании приносились в жертву узкоклассовым расчётам реакционных групп, видевших в гитлеровской Германии своего союзника в деле борьбы против Советской страны. Британский лев пятился перед немецко-фашистским волком. В это время итальянский шакал уже рыскал и рвал свою добычу в Абиссинии.

Реакционеры Англии и Франции фактически отдавали Абиссинию на растерзание итальянскому хищнику. Решение Лиги наций 7 октября 1935 года о применении к Италии финансовых и экономических санкций свелось на деле к пустой комедии. Ничто не мешало Муссолини поливать ипритом абиссинских пастухов и обращать в пепел мирные хижины туземцев. Демократические державы Запада бездействовали. Одна лишь Советская страна устами своей дипломатии открыто и мужественно защищала свободу и независимость абиссинского народа.

Ободряемые своей безнаказанностью, поджигатели войны нагнали всё более и более. Япония наводняла своими войсками Китай. Италия громила беззащитную Абиссинию; Германия объявляла расторгнутым Локарнский договор и вводила свои вооружённые силы в демилитаризованную Рейнскую зону; на глазах у всего света происходила итало-германская вооружённая интервенция против Испанской республики. Наступление фаши-

стов развивалось неуклонно. Они шли от успеха к успеху, не встречая сопротивления. У наивных людей это создавало впечатление якобы неодолимой мощи агрессоров или особой одарённости фашистских главарей. На самом деле, вся сила агрессоров заключалась в пассивности демократических держав. Разбойничьим действиям международных гангстеров правительства буржуазно-демократических стран могли бы противопоставить сокрушительный отпор. На их стороне было бы явное превосходство. Но империалистическое соперничество, но влияние реакционных профашистских групп, но нежелание установить сотрудничество с Советским Союзом мешали образованию единого фронта борьбы против поджигателей войны.

Пользуясь рознью и нерешительностью демократических правительств, агрессоры шли к открытому оформлению своей боевой коалиции. За образованием «оси» Рим—Берлин (25 октября 1936 года) последовало заключение так называемого «антикоминтерновского пакта» Германии с Японией (25 ноября 1936 года). 6 ноября 1937 года к нему примкнула и фашистская Италия. Свои истинные цели поджигатели войны попрежнему маскировали лозунгом борьбы против коммунизма. На самом деле они стремились усыпить бдительность западных демократий. Это нужно было, чтобы демобилизовать силы, способные к отпору, и легче развязать вторую войну для нового передела мира.

Последовательными этапами на этом пути фашистских агрессоров были: попытки политического окружения Франции, борьба за вовлечение слабейших стран в орбиту своего влияния, разложение Малой Антанты. Дальнейшими шагами в том же направлении явились захват Австрии Германией (март 1938 года), присоединение к Германии Судетского района Чехословакии (октябрь 1938 года) с последующим расчленением Чехословацкой республики и, наконец, захват всей её территории войсками Гитлера (март 1939 года). Очаг войны в Центральной Европе, образовавшийся с приходом Гитлера к власти в Германии, разгорался всё сильнее. На фоне всех этих зловещих событий правительства Невилля Чемберлена и Даладье с полной наглядностью демонстрировали своё малодушие, политическую близорукость, забвение действительных интересов своих народов и мира в Европе, готовность бросить в жертву фашистским разбойникам слабейшие

страны — в расчёте задобрить насильника и направить его напор вместо Запада на Восток.

Мюнхенский стовор 29—30 сентября 1939 года явился кульминационным моментом этой политики попустительства и пособничества агрессору. Участники Мюнхена со стороны западных демократий — британский премьер-министр того времени Невиль Чемберлен и французский премьер-министр Даладье — были упоены успехом своей миротворческой деятельности. «Миллионы матерей, — писал своему премьеру английский посол в Берлине Гендерсон, — будут благодарить Ваше имя за то, что Вы спасли их сыновей от ужасов войны...» «Да здравствует Даладье! Да здравствует мир!» — вторили этому славословию восторженные крики парижских зевак, встречавших главу правительства на аэродроме.

«Отныне мир обещен на целые поколения», — возвещал Чемберлен, вернувшись из Мюнхена. Совершенно иначе оценивал положение Уинстон Черчилль.

«Англия, — говорил он с горечью и негодованием, — должна была сделать выбор между войной и позором. Её министры выбрали позор, но лишь затем, чтобы потом получить и войну». 24 марта 1937 года, выступая в парламенте, Черчилль предвещал гибельные последствия политики Чемберлена. «Если британскую нацию и Британскую империю постигнет смертельная катастрофа, — заявлял Черчилль, — будущие историки спустя тысячу лет тщетно будут пытаться постигнуть тайну нашей политики. Никогда не смогут они понять, как это случилось, что народ, одержавший победу, имеющий кое-что за душой, унизились до такого падения, пустил по ветру всё, что выиграл в результате безмерных жертв и решительного торжества над насильником. Они не поймут, почему победители оказались побеждёнными, а те, которые сложили оружие на поле битвы и молили о перемирии, шествуют ныне к господству над миром».

Так клеймил нынешний глава правительства Великобритании Уинстон Черчилль гибельную политику Чемберлена и его единомышленников. Кто же в противоположность соглашателям и пособникам агрессора призывал демократические народы к общей борьбе против поджигателей войны? Тот же Советский Союз, который и раньше последовательно и твёрдо проводил свою политику мира. От принципов этой полити-

ки советское правительство не отступало ни на шаг. Оно выдерживало их и в вопросе о японо-китайском конфликте, и в деле Абиссинии, и перед лицом итало-германской интервенции, направленной против республиканской Испании. Ещё до захвата немцами Чехословакии оно заявляло о своей готовности выполнить все обязательства советско-чехословацкого пакта о взаимопомощи. После вторжения в Чехословакию Гитлера советское правительство решительно отказалось признать законность насильственного включения Чехии в состав Германии.

Почему же Чемберлен и Даладьё не сочли нужным опереться на поддержку СССР в деле защиты независимости Чехословацкой республики и мира в Восточной Европе? Потому что в Мюнхене Гитлер с пеной у рта доказывал им, что Чехословакия является форпостом большевизма. Потому что по-прежнему они видели в СССР не союзника в борьбе против агрессора, а классового врага той финансовой олигархии, которая направляла всю политику империалистических держав. Из Парижа и Лондона в Прагу летели настоятельные предупреждения — не полагаться на Советский Союз. Он-де находится слишком далеко; у него нет с Чехословакией общей границы; Польша не пропустит его войск на помощь Чехословакии; его армия в лучшем случае способна лишь к обороне советской территории; наконец, он и не захочет воевать с Германией, несмотря на обязательства советско-чехословацкого пакта взаимопомощи. Так дипломатия Чемберлена и Даладьё старалась ослабить дух чехословацкого народа и опорочить Советский Союз в глазах международной демократии. На самом деле, и в Париже и в Лондоне слишком хорошо знали, что советское правительство отнюдь не намерено уклониться от выполнения своих союзных обязательств в отношении Чехословацкой республики.

Разве не получило французское правительство вполне определённого заявления на этот счёт от правительства СССР в ответ на свой запрос в начале сентября 1938 года? Разве не имела Чехословакия в середине того же месяца такого же точно заверения

со стороны советского правительства? Разве в критические дни — 27—28 сентября — не было заявлено в Москве дипломатическому представителю США Керку, что советское правительство готово принять участие в международной конференции, которая должна быть созвана для оказания действенной коллективной помощи Чехословакии? Ещё до этого, 23 сентября, польскому поверенному в делах в Москве было сделано официальное предупреждение, что в случае вступления польских войск на территорию Чехословакии, правительство СССР признало бы это фактом невызванной агрессии и немедленно денонсировало бы польско-советский пакт о ненападении, подписанный 22 июля 1932 года.

На ассамблее Лиги наций в сентябре 1938 года советская делегация огласила ответ, данный правительством СССР на вышеуказанные запросы Франции и Чехословакии. Казалось бы, после такого всенародного изобличения клеветникам против Советского Союза оставалось только ретироваться и замолчать. Однако они не унялись. После Мюнхена ими пущен был новый провокационный слух, будто при разрешении чехословацкого кризиса правительства Франции и Великобритании регулярно совещались с представителями Советского Союза и будто даже мюнхенские решения были предварительно согласованы с правительством СССР. Сообщение агентства ТАСС от 4 октября развеяло как дым и эту клевету. Оно разъяснило, что разговоры английского и французского министров иностранных дел с советскими послами в Париже и Лондоне не шли дальше поверхностной, почти газетной информации по чехословацкому вопросу. Что касается мюнхенских решений, то агентство ТАСС было уполномочено заявить, что к ним правительство Советского Союза никакого касательства не имело и не имеет.

В Мюнхене пособники агрессора окончательно развязывали ему руки. Но Чемберлен и Даладьё со своими единомышленниками жестоко обманулись в своих расчётах. Не пройдёт и года — и фашистский зверь, усиленно заманиваемый их подачками на восток, бросится на западные демократии.

Финляндия без маски*

О. КУУСИНЕН

Ненависть и борьба народа Карело-Финской ССР

Известно, что финские захватчики, вторгнувшись на территорию Карело-Финской ССР, пытались обмануть карельское и финское население нашей республики старой националистической маскировкой, пытались снова, как и два десятка лет до этого, подкрасться к нему в овечьей шкуре.

Но эта коварная попытка с позором провалилась. Карельское и финское население нашей республики сразу узнало в финских фашистах тех же кроважанных поработителей, которые уже двадцать с лишним лет тому назад протягивали свои хищные когти сюда через финляндскую границу. И в этот раз ещё более решительно, более единодушно, чем в годы гражданской войны, карело-финский народ взялся за оружие, чтобы разбить наголову бандитов-захватчиков.

В рядах Красной Армии и в партизанских отрядах карелы и финны рука об руку с русскими товарищами героически сражаются против маннергеймовских войск. В тылу Красной Армии, на промышленных предприятиях и колхозных полях нашей республики, карельское и финское население так же самоотверженно, как и русские, как советские люди всех национальностей, напрягают свои трудовые усилия на поддержку фронта. В тех же районах Карело-Финской ССР, которые врагу удалось временно захватить, вообще осталось немного населения, а это население в целом, не считая отдельных наёмников—агентов врага, оторванных от масс населения, показало свою глубокую ненависть как к финским, так и к немецким оккупантам и свою непоколебимую преданность советскому отечеству.

Иного отношения нельзя было и ожидать со стороны карельского и финского населения нашей республики, которое от советской власти получило все условия для свободной и счастливой жизни.

Датский писатель и военный корреспондент Херсхольт Гансен в недавно опублико-

ванной книге «По следам войны», несмотря на свою дружбу с белофиннами, не смог скрыть своего удивления по поводу замечательных достижений народа Карелии в экономическом и культурном развитии при советской власти. В то же время автор вынужден признать факты варварского разрушения культурных ценностей и бесцеремонного ограбления населения оккупированных районов Карелии финскими захватчиками. Он пишет в своей книге, между прочим, следующее:

«Я имел возможность ознакомиться с колхозами, где оставшиеся крестьяне вынуждены питаться только картошкой и солью; они не могли добиться даже хлеба от захватчиков, которые, несмотря на это, называют себя их освободителями. Крестьяне страшно голодают. Я сомневаюсь, чтобы кому-нибудь удалось убедить их, что они освобождены. Их запасы были реквизированы и использованы финской армией, у которой они вынуждены теперь кланяться соль и картофель».

В другом месте своей книги автор приводит следующее наблюдение:

«Ничто не произвело такого глубокого впечатления на финских солдат, как то, что народ, который «освобождён» по приказу Маннергейма, знает ничего не желает о финнах».

Шведская печать также констатировала полное разочарование финских фашистов в их обманной игре на «соплеменных чувствах» национального населения в Карело-Финской республике. Так, например, газета «Гетеборгс Постен» писала 12 декабря 1942 г., что для многих белофиннов было «горьким разочарованием увидеть карела, с воодушевлением сражающегося на стороне русских против Финляндии, узнать, что партизанами, особенно беспокоящими финнов, являются карелы». К этому газета ещё добавила, что «финны ни на мгновение не почувствовали, что они приходят в роли освободителей, как надеялись многие из них».

Заправили Финляндии уже перестали разглагольствовать об «освобождении» карелов и, таким образом, молчаливо признали факт полного провала своей национальной демагогии в Советской Карелии. Но они не перестали грабить и терзать население Карелии, разрушать её города и сёла. В каких-либо иных формах так называемая «культурная миссия» финских захватчиков на территории Карело-Финской ССР не проявля-

* Окончание. Начало см. в №№ 7 и 8 нашего журнала. В настоящем номере печатаем часть последней, четвёртой главы «Перспективы борьбы за ликвидацию гитлеризма в Финляндии».

лась и не проявляется. В этом может убедиться любой иностранный наблюдатель, взглянув хотя бы на город Петрозаводск, чтобы узнать, до какого безобразного состояния белофинская администрация за полтора года довела эту цветущую, культурную столицу нашей республики: разрушены культурные памятники и все лучшие здания, фабрики и заводы, обезображены прекрасные улицы и красивые сады города. Всё разрушили белофинны, ничего не построили. Наш советский Петрозаводск имел несколько театров и большой концертный дворец филармонии, университет и другие высшие учебные заведения, замечательный дворец пионеров, десятки школ и библиотек, много клубов и много хороших магазинов. В настоящее же время в городе имеется один кинотеатр для маннергеймовцев, 4 магазина, 6 концлагерей и большой дом терпимости—вот всё, что и нужно для удовлетворения «культурных» потребностей белофинских представителей «нового порядка».

Даже шведские газеты, отнюдь не желающие портить дружеских отношений с заправилами Финляндии, выражают своё удивление по поводу того, что финские захватчики, орудуя на территории Советской Карелии, всё ещё продолжают подражать худшим методам немецких фашистов. Так, например, газета «Дагенс Нюхетер» (14.V. 1943 г.) писала:

«Предполагали, что после первого, богатого иллюзиями завоевательного периода финны займут менее экспансионистскую позицию, что знакомство с населением Восточной Карелии настроят их более скептически, а неопределённые военные перспективы продиктуют им большую осторожность, особенно в отношении методов, применяемых некоторыми великими державами (т. е. Германией и Италией) в оккупированных странах. Но шведские наблюдатели не вынесли такого впечатления. Неужели финские административные власти поражены слепотой, неужели они не понимают, что эта грубая манера подражать большому союзнику может лишь причинить ущерб их нации?»

Шведская газета, как видно, говорит лишь в завуалированной форме о «грубой манере» белофинских властей подражать методам гитлеровской Германии. Но какие варварские дела и сколько злодейских преступлений скрывается под этим дипломатическим покровом!

По образцу немецких фашистов и белофинны заставляют русских жителей носить позорные отличительные знаки. По примеру гитлеровских мерзавцев они насиловали советских женщин. По образцу гитлеровцев они ввели в практику жестокие телесные

наказания, публичные порки. Зафиксированы десятки случаев, когда умирающих от голода советских людей пороли за то, что они пытались перекапывать своё картофельное поле в поисках клубней.

По образцу гитлеровцев и финские оккупанты организовали концентрационные лагеря, где тысячи мучеников томятся за колючей проволокой. В Петрозаводске около 90% оставшихся в городе жителей были брошены в концентрационные лагеря. Этих голодных, истощённых людей избивают и заставляют выполнять тяжёлую работу в течение 14—16 часов в сутки. Многие, конечно, долго не выдерживают таких мучений. В лагере, расположенном в местечке Северная точка (недалеко от Петрозаводска), не осталось почти ни одного человека, который не был бы избит. Бежавший из лагеря на Кукковке Юрьев рассказывал, что в этом лагере уже много людей умерло от голода и побоев. За колючую проволоку лагерей загнаны даже дети, которых заставляют выполнять непосильную работу.

Таким образом финские фашисты, по примеру гитлеровских людоедов, систематически уничтожают коренное население, оставшееся в захваченных ими районах. Многих из советских граждан они уже убили, часть населения вывезли в рабство в Финляндию, остальных морят голодом и подвергают нечеловеческим пыткам.

Самое подлое и омерзительное у фашистов — это, как известно, их злодейская жестокость, проявляемая в истязании своих беззащитных жертв. Этой бандитской подлостью отличались финские изверги **лахтари** («мясники», как их называли революционные рабочие Финляндии) ещё в годы гражданской войны, во время их разбойничьих походов в Советскую Карелию. В период финско-советской войны 1939/40 г. были обнаружены многочисленные факты исключительного варварства и зверства со стороны белофиннов к раненым и попавшим в плен красноармейцам. Тов. Молотов на шестой сессии Верховного Совета СССР приводил следующие примеры:

«Так, когда в одном из районов севернее Ладожского озера финны окружили наши санитарные землянки, где находилось 120 тяжело раненных, все они были уничтожены белофиннами, часть их сожжена, часть найдена с разбитыми головами, остальные заколоты или пристрелены. Несмотря на наличие смертельных ран, значительная часть по-

гибших здесь, как и в других местах, имела следы пристрелов в голову и добивания прикладами, а часть убитых огнестрельным оружием имела ножевые раны, нанесённые финками в лицо. Некоторые трупы были найдены с отрубленными головами, и головы не были обнаружены. В отношении попавших в руки белофиннов женщин-санитарок применялись специальные издевательства и невероятные зверства. В некоторых случаях трупы убитых приставлялись к деревьям вверх ногами».

В нынешней войне таких фактов чудовищного зверства белофиннов было ещё больше. Так, например, установлено, что в городе М., где в руки вторгнувшихся финских войск попали 4 красноармейца, одному из них тяжёло раненному фашистские мерзавцы раскололи череп камнем, остальных раздели донага и расстреляли. С другого участка Карельского фронта командиры подразделения Красной Армии Загородный, Кононов, Перфильев и другие сообщили, что после того как подразделению удалось вернуть занятую белофинскими войсками Н-скую сопку, они обнаружили зверски истерзанные трупы двух советских бойцов — младшего командира Кротова и комсомольца Авершина. У Кротова были отрезаны уши, губы и изрезана грудь, у Авершина — отрублены на ногах пальцы, выколоты глаза, изуродовано лицо. Поязки на трупах говорили о том, что оба были захвачены ранеными.

Таких омерзительных зверств на счету финских фашистов много. Достаточно привести ещё один пример. В марте 1943 г. финское командование направило в наш тыл с диверсионными целями батальон отборных головорезов, которые, однако, после первого столкновения с советскими бойцами, потеряв 125 убитыми и 30 пленными, быстро убежали. Но среди невооружённых мирных жителей эти бандиты успели оставить чёрную память о своей маннергеймовской «храбрости». Это удостоверено в акте, составленном 19 марта на месте преступления политруком А. С. Кубачевым, техником-лейтенантом А. Ф. Бережковым и др. В этом акте говорится:

«16 марта 1943 г. банда белофиннов, отступающая под ударами подразделений Красной Армии, зверски замучила работницу Ёлвигину Августину Павловну. Белофинны нанесли ей сквозные ножевые раны в левую грудь и грудную клетку. Голова была в упор прострелена автоматной очередью. Нанесены ещё четыре пулевые раны в другие части тела. Белофинские извраты дошли до такого зверства, что произвели выстрел в половой орган. Произдевавшись

над советской девушкой, белофинны бросили её труп под машину и скрылись».

Вот в каких кошмарных злодеяниях на территории нашей Карело-Финской ССР показывает свою подлинную натуру финляндская белогвардейщина, которая устами правителей Финляндии выступает в роли поборника «европейской культуры» и «западной цивилизации». Совершенно ясно, что такие фашистские зверства систематически поощряются и культивируются в рядах финской армии верховными властями Финляндии. Прежде всего ответственны за эти злодейские преступления нынешние правители Финляндии, и отнюдь не в меньшей степени, чем непосредственные исполнители их воли.

Глубоко ошиблась шайка Маннергейма — Рюти — Линкомизэ, рассчитывавшая своими фашистско-бандитскими методами обезвоить наш советский народ и сломить силу его сопротивления. Это не вышло. Получилось совершенно иное: поднялась несокрушимая лавина всенародного гнева против фашистских дьяволов, ворвавшихся в дом свободных советских людей.

Злодеяния финских, как и немецких захватчиков вызвали у всех слоёв народа Советской Карелии священную ненависть к фашистским захватчикам, разожгли сильную военную страсть. Борьба действующих в тылу финской армии советских партизан, наших героических народных мстителей, развёртывается всё с большей силой. На фронте наши бойцы и командиры рвутся в бой, чтобы сокрушить подлого, ненавистного врага. Трудящиеся в тылу Красной Армии с невиданной самоотверженностью работают на поддержку фронта.

Ещё осенью 1941 г. и в начале 1942 г. войска немецких и финских захватчиков, стремившиеся прорваться к Белому морю и Мурманску, перерезать Кировскую ж.-д. магистраль, в упорных боях были обескровлены и остановлены Красной Армией. Уже с декабря 1941 г. они ни на одном участке Карельского фронта не в состоянии продвигаться вперёд.

Нет никакого сомнения в том, что эта Отечественная освободительная война советского народа будет всё больше усиливаться. После первых месяцев войны, после внезапных ударов вероломного врага вся великая Советская страна, и вместе с ней Советская Карелия, стала и становится всё сильнее как на фронте, так и в тылу. Охваченные ненавистью к фашистским поработи-

телям и пламенем любви к советской родине, трудящиеся Советского Союза не оставят дело разгрома врага на полпути.

Растерянность и распри в правящем лагере Финляндии

Все военные планы заправил Финляндии были построены на иллюзиях об ожидаемой ими победе гитлеровской Германии над народами СССР, Англии и других свободолюбивых стран; но в ходе войны эти иллюзии рухнули одна за другой.

В августе и сентябре 1941 г. иллюзии правящих кругов Финляндии были на вершине. В то время, например, один из правительственных органов, «Хельсингин Саномат», писал, что «последним советским войскам угрожает теперь окружение и уничтожение». Другой правительственный орган, «Ууси Суоми», утверждал, что во всяком случае «война кончится до наступления зимы», и главный обозреватель финляндского радио заявил в сентябре 1941 г., что «окончательные расчёты с русскими будут произведены в ближайшие дни». В декабре же 1941 г., после первых мощных контрударов Красной Армии, тон хельсинкских громкоговорителей уже значительно понизился. Даже Маннергейм ничем иным не мог утешить свои войска, как только увещеванием, что «если выдержим до весны», то тогда «всё будет выиграно».

Весной и летом 1942 г. в Хельсинки поднялась новая волна иллюзий о мнимой «неотразимости» якобы «решающего наступления» немцев на советско-германском фронте. Каждое сообщение о временных успехах немецких войск, исходящее из Берлина, на воздушном пути к Хельсинки ещё больше раздувалось и печаталось аршинными буквами на страницах финских газет. Согласно этим газетным сообщениям, в сентябре Сталинград был уже «окончательно занят» немцами, Советский Союз якобы был уже «лишён кавказской нефти» и т. д. «Поскольку человеческий разум может судить,— заявил военный обозреватель газеты «Хельсингин Саномат» 16 сентября 1942 г.,— то последний час большевиков теперь пробил». Слепленные хвастовством немцев и своим собственным авантюризмом, хельсинкские холопы Гитлера потеряли всякое реальное понятие о могучей ударной силе Красной Армии, которую они основательно испытали на себе уже в зимних боях 1940 г.

Легко представить себе, что, когда через несколько недель эти до крайности раздутые иллюзии вдруг лопнули, эффект был тем более потрясающим. Говорят, что во время мощного наступления Красной Армии в районе Сталинграда во всех правительственных зданиях Хельсинки чувствовалось что-то вроде землетрясения.

У микрофона финляндского радио обычный дерзкий лай президента Рюти моментально превратился в трусливое повизгивание. Он скулил:

«Финляндия нынешних дней вынуждена переживать эпоху трудностей, страданий. Но у нас не было возможности выбирать. Ход событий направляется логикой судьбы...»

«В дальнейшем ходе войны не исключены неожиданности... Огромные события окажут влияние и на Финляндию. Военное счастье может изменить...»

Прошли месяцы, пока господин Рюти опомнился от испуга, да и то не полностью.

Между тем правительство, обеспокоенное усиливающейся внешнеполитической изоляцией Финляндии, командировало в Швецию одного финского министра за другим, для того чтобы в беседах и выступлениях отрицать великофинляндские планы правительства, провозгласить желание сохранить дипломатические отношения с Соединёнными Штатами и просить от Швеции очередную подачку в виде кредитов и военных материалов.

В то же время в финской печати открыли дискуссию по вопросу о возможности «выхода Финляндии из войны». Но сразу же обнаружилось, что это делается лишь для отвода глаз финского народа и иностранных наблюдателей, без малейшего намерения прекратить участие Финляндии в захватнической войне Гитлера. Правители Финляндии просто хотели немножко помахать белым флагом мира, чтобы отвести от себя растущее недовольство народа войной и дать своим адвокатам в англо-саксонских странах фиктивный повод хлопотать на случай поражения Германии о снятии ответственности финляндского правительства за сообщничество в войне Гитлера.

Насколько далеки правители Финляндии от намерения на деле отойти хотя бы на йоту от своего сообщничества в кровавой авантюре Гитлера, показывает следующий факт. Весной 1943 г. в Финляндию притащились жалкие остатки разбитых на Северном Кавказе финских батальонов, сражавшихся там в рядах германской армии. Из посланных Финляндией свыше 10 тыс. отборных

головорезов («финских СС») уцелело лишь человек 500 (наверно, первоклассные бегуны на длинные дистанции). Их торжественно встретили на параде в Тампере; председатель финляндского сейма приветствовал и напутствовал этих недобитых. Но оказалось, что сами «герои» по горло сыты войной, во всяком случае войной на восточном фронте. Их уговаривали после «отпуска» вернуться в Германию, но большинство из них никаким уговорам не поддаётся. А между тем Гитлер, по сообщению шведской печати, требует от финского правительства обязательного восстановления исчезнувших финских батальонов на южном фронте, требует поставки пушечного мяса в прежнем количестве. И финское правительство, конечно, не отказалось. Оно решило организовать новую вербовку добровольцев для мясорубки берлинского палача. Если же оно не найдёт в Финляндии добровольцев, несомненно, оно пошлёт насильственно, хотя бы в цепях, соответствующее количество финских голов на убой по берлинскому этапу.

Последняя реорганизация финского правительства ещё более убедительно говорит об отсутствии всякого намерения у заправил Финляндии изменить свой курс в фашистской войне. Премьером вместо Рангеля стал Линкомиэс, глава Коалиционной партии. Среди других политических вожаков финской плутократии Линкомиэс всегда отличался своим крайне ярким шовинизмом и особенно свирепой реакционностью. Он всегда потворствовал лапуаским молодчикам из партии ИКЛ и за кулисами направлял их преступную деятельность в желаемое для господствующей плутократии русло. Он один из главных доверенных лиц Гитлера в Финляндии, один из наиболее ответственных зачинщиков нынешней войны. Таким образом, смена премьер-министра означает, что место мелкого фашиста на этом посту занял более крупный фашист. На пост министра иностранных дел был поставлен вместо сильно скомпрометированного агента немцев Виттинга более ловкий дипломат Рамзей, которому поручено продолжать прежнюю игру, но меньше раскрывать свои карты. Министром внутренних дел сделали заядлого реакционера Эрнрота, который раньше долгое время работал секретарём союза предпринимателей Финляндии, а затем в кругах Лиги наций занимался антисоветскими интригами. Вальден, «бумажный король Финляндии», остался военным министром, и

Таннер, который также пользуется неизменным доверием Гитлера, остался министром финансов.

Понятно, что Берлин был доволен такой реорганизацией финского правительства. И правители Финляндии, прислужники Гитлера, которые в декабре—январе сильно испугались и поджали хвост, вновь подняли его вверх. Но уже без прежней уверенности, без надежды на победу.

Все их стремления теперь направлены на то, чтобы избавиться от ответственности за свои преступления, сохранить власть в своих руках и сохранить хотя бы часть захваченной ими советской территории. Для этого они продолжают воевать в качестве подсобной силы гитлеровской Германии и в то же время всячески стараются обмануть общественность Америки, Англии, Швеции. Во внутренней же политике они усиливают меры для террора и обмана финского народа.

С величайшей тревогой нынешние правители Финляндии вопят об опасности «разрушения национального единства». Но между тем разногласия и распри распространяются даже в лагере сторонников правительства. Об этом заявил премьер Линкомиэс (12.V. 1943 г.):

«Только в течение этого года появились с разных сторон обстоятельства, показывающие отсутствие сознания того, насколько важно для нас сохранение единства».

Лжёт он, что такие «обстоятельства» у них появились только в течение нынешнего года. Ведь даже Рюти ещё в октябре 1942 г. заявил в своём выступлении по радио, что «вновь возникают прежние разногласия». И ещё до этого (7.VIII. 1942 г.) социал-демократический орган правительства напечатал статью, в которой говорилось:

«Тот, кто что-либо производит или продаёт, пытается выжать как можно большую прибыль. Это стремление является у нас повсеместным, и если власти пытаются что-то против него предпринимать, то производители грозят, что они не будут больше ничего производить. Они говорят, что продукция приносит недостаточную прибыль... Хваленое единство нашего народа распадается автоматически».

В чём тут дело? Неужели орган финской социал-демократии вдруг стал выступать против крупных «производителей» — капиталистов? Нет. Под «производителями» газета имеет в виду **крестьян**, а не капиталистов-плутократов. Все её излияния относятся к спору, ведущемуся между двумя правительственными партиями — Земледельческим союзом и социал-демократической партией —

о ценах на сельскохозяйственные продукты. Представители Земледельческого союза требуют повышения цен на эти продукты, социал-демократы выступают против. Спор этот тянется уже давно. Время от времени министры то одной, то другой партии угрожают из-за этого вопроса выйти из состава правительства, но не выходят.

Наконец, правительство решило удовлетворить требование Земледельческого союза в такой форме: землевладельцам, продающим сельскохозяйственные продукты, выплачиваются из государственных средств дотации в размере полутора миллиарда марок, а для покрытия государственных расходов повышается поимущественный налог на 1%. Несмотря на это, спор продолжается. Лидеры социал-демократической партии травят крестьян, а лидеры Земледельческого союза травят рабочих. Ясно почему: потому, что и те и другие хотят отвлечь растущее недовольство рабочих и крестьянских масс от самого «опасного» русла, направленного против господствующей плутократии и её правительства. В этом суть дела. Установление единства народа не только неустойчиво для нынешнего правительства, но представители самого правительства, как видно, вынуждены разрушать складывающееся единство народа, так как оно своим остриём направляется именно против правительства. Этого единства народа они как раз и боятся.

Конечно, среди сторонников финского правительства имеются и более серьёзные разногласия. Об этих разногласиях писала, например, шведская газета «Дагенс Нюхетер» (25.VII. 1942 г.):

«Всякий, знающий обстановку в Финляндии, может подтвердить, что отношения между сторонниками программы завоевания великой Карелии и теми, кто стоит за осторожную оборону, напряжённые и с лёгкостью могут ещё больше обостриться».

Очевидно эта шведская газета, говоря о сторонниках «осторожной обороны», имела в виду прежде всего определённые круги партии финляндских шведов. Их постоянно запугивают газеты гитлеровской партийной агентуры ИКЛ. Например, газета «Аян Суунта» писала 29 ноября 1942 г.:

«Шведская еврейская печать даёт инструкции, на основе которых, кажется, работают финляндские шведы. Можно полагать, что они сотрудничают с этим вторым фронтом как раз по вопросам нынешней войны. С помощью этого фронта хотят ослабить врага России, Финляндию».

Этим нахальным тоном финская агентура Гитлера обычно заставляет оппозиционно

настроенных шведов замолчать. Кроме них имеются и в других правительственных партиях люди, которые достаточно понимают опасный авантюристический характер правительственного курса продолжения фашистской войны, однако ничего не делают для изменения этого курса.

Для всей оппозиции в лагере правительственных партий характерна **политическая трусость**. Например, когда окончились полномочия президента в феврале 1943 г., лишь 23 человека из выборщиков выражали своё несогласие с переизбранием гитлеровского лакея Рюти, но даже они не осмелились выразить это голосованием против, а лишь воздержались от голосования.

Эта «оппозиция» боится даже своей собственной тени. Она, правда, опасается последствий военной авантюры клики Рюти — Линкомиэс — Маннергейма, но ещё больше она боится мешать этим агентам гитлеризма в деле продолжения их авантюры. Ибо больше всего она боится разрушения «внутреннего фронта», т. е. своего единого фронта с правящей кликой. Эта «оппозиция» даже во сне не собирается опираться на народные массы, чтобы начать серьёзную борьбу против преступного правительства, ибо она сама боится народа и поэтому избегает каждого шага, который мог бы поощрять рост недовольства и активности финского народа.

Социал-демократические лидеры профсоюзов также выступили в мае 1943 г. со своего рода платформой «лояльной оппозиции». Но это не оппозиция, а просто жулики. Беспочвенность перед ростом возмущения рабочих масс против войны и гитлеровской политики правительства заставляет профсоюзное руководство путём словесного отмежевания от этой политики искать некоторого прикрытия для своего фактического сообщничества в этой преступной политике. Оно действует целиком по указке нынешнего правительства и в частности Таннера, продавшегося Гитлеру и финским фашистским плутократам, или, говоря более вежливыми словами одной шведской газеты, «посвятившего себя делу военной политики и её маскировке».

Но внутреннее разложение будет неизбежно развиваться в правящем лагере Финляндии. Не может быть единства среди разбойников, говорил гениальный Ленин. И разногласия, конечно, не укрепляют, а ослабляют фашистский лагерь в Финляндии. Но также

ясно и то, что фашистская власть не рухнет от своих внутренних разногласий, как и от своих экономических затруднений. Она разлагается и гниёт, но не развалится, пока её не развалят.

Только путём решительной борьбы финский народ может спасти себя от гитлеровской чумы.

Обреченность фашистской авантюры

Уже два года воюет Финляндия в качестве подсобной силы фашистской Германии за установление гитлеровской тирании над народами Европы. За эти два года соотношения сил воюющих сторон настолько изменились, что сегодня уже совершенно ясна обречённость разбойничьей войны гитлеровцев и их сообщников. Героизмом воинов Красной Армии и стратегическим гением её Верховного Командования были разрушены завоевательные планы хищников-поработителей, и скоро Советский Союз совместно с другими свободолюбивыми странами окончательно разобьёт этих злейших врагов всего человечества.

Осенью 1941 г., когда финляндское правительство подписало в Берлине пакт о присоединении Финляндии к так называемому «антикоминтерновскому блоку», финские газеты воскликнули: «Финляндия стала гайкой оси!»

Ныне не стоит и спрашивать: выдержит ли эта гайка? Ибо вопрос поставлен уже о том, долго ли выдержит ось? И абсолютно

все разумные люди в мире отвечают на этот вопрос: не долго.

Спустя год, осенью 1942 г., одна из газет финских агентов Гитлера, «Ууси Эуропа» («Новая Европа»), писала, что «если руководители Финляндии останутся на теперешней позиции соратников великой Германии, то тогда у нас не будет забот».

Они остались на той же позиции, но, как мы видели, уйма тревожных забот накопилась у них. Вся их политика обанкротилась. За все преступные деяния им предстоит ответить головой.

Участие Финляндии в разбойничьей войне Гитлера является для финского народа величайшим несчастьем и величайшим позором его истории.

Надо надеяться, что финский народ скоро найдёт в себе достаточно сил и мужества, чтобы своей решительной борьбой за свержение власти бандитской своры агентов гитлеризма смыть с себя позор антисоветской войны.

Это — дело чести финского народа.

С этим связан и основной вопрос: жизненные интересы самого финского народа, как и интересы советского народа, требуют создания надёжных гарантий того, чтобы больше никогда не могло повториться вероломное нападение Финляндии на советскую территорию, чтобы финский народ имел возможность в будущем жить не во вражде, а в мирном содружестве с великим советским народом.

15 августа 1943 г.

К вопросу о поездке г. Бенеша в Москву

Вопросы послевоенного устройства всё более и более привлекают к себе внимание широких общественных кругов мира. Замечательные победы Красной Армии на советско-германском фронте и успешные боевые действия англо-американских вооружённых сил в Средиземном море и в Италии, приближающие всё более и более час крушения гитлеровской Германии и её сателлитов, час окончательной победы антигитлеровского фронта, естественно, усиливают интерес к вопросам организации послевоенных отношений и связанных с этим проблем. Не случайно поэтому печать разных стран и, в

частности, англо-американская печать всё чаще останавливается на этих проблемах, подвергая их широкому обсуждению. Важнейшими среди этих проблем являются проблемы, касающиеся отношений между отдельными государствами, в частности, в послевоенный период, вопросы о заключении договоров или соглашений о взаимопомощи в целях общей борьбы против возможной в будущем агрессии со стороны Германии, вопросы экономического порядка — о восстановлении экономики освобождённых от гитлеровской оккупации стран и об организации помощи пострадавшим районам, о ста-

билизации валюты, таможенной политике и т. д.

В этой связи следует сказать о привлечении к себе большое внимание английской печати намерении президента Чехословацкой республики г-на Э. Бенеша посетить Советский Союз в целях заключения с СССР договора о дружбе и взаимопомощи в духе англо-советского договора от 26 мая 1942 года.

Как сообщает английская печать, чехословацкое правительство и чехословацкий государственный совет заявили о своём решении неизменно продолжать свою политику, направленную к заключению договора о взаимной помощи с Советским Союзом, и привести в соответствие с нынешними условиями договор о взаимопомощи, заключённый между СССР и Чехословакией в 1935 году.

По этому поводу в английской и американской печати появился ряд статей и заметок, отмечавших, что поездка г-на Э. Бенеша в Москву до сих пор не состоялась ввиду возражений со стороны английского правительства. Так, например, обозреватель английского журнала «Нью стейтсмен энд нейшн», говоря о поездке Бенеша в Москву, писал: «Конечно, министерство иностранных дел сыграло роль в том, что Бенеш отложил её». Американская газета «Нью-Йорк таймс», также говоря о задержке поездки г-на Бенеша в Москву, писала: «Английское правительство в июне неожиданно посоветовало Бенешу отложить свой отъезд в Москву, хотя он уже получил одобрение США». Английская газета «Ньюс кроникл» в связи с этим писала, что «с английской точки зрения этот проект (т. е. проект договора между СССР и Чехословакией) следовало отложить, по крайней мере, пока можно будет более ясно предвидеть характер и дату окончания войны». Эта точка зрения мотивировалась газетой тем, что «считается общепризнанным принципом, что не рекомендуется заключать в военное время соглашения между крупными и малыми державами Европы, соглашения, которые, возможно, вредно отразятся на окончательном заключении мира».

Этот вопрос стал предметом обсуждения и в английской печати, в которой появилось сообщение о выступлении в палате общин 22 сентября министра иностранных дел Великобритании г-на А. Идена. В печати сообщалось, что в этом выступлении было сказано:

«Во время посещения Молотовым Лондона в прошлом году обсуждался вопрос о заключении соглашения между советским и английским правительствами, с одной стороны, и каким-либо из наших других европейских союзников, с другой, по поводу послевоенных проблем. В результате этих переговоров английское правительство поняло, что оба правительства придерживаются той точки зрения, что для каждого из них предпочтительнее не заключать в настоящее время такого рода соглашений. Когда президент Бенеш сказал мне о своей предполагаемой поездке в Москву с намерением заключить такое соглашение, я, естественно, информировал его о переговорах, происходивших с Молотовым, и этот вопрос был также доведён до сведения советского правительства в соответствии с нашей договорённостью, достигнутой в 1942 году. Вскоре после этого я был уведомлен президентом Бенешем, что его поездка отложена».

В этом сообщении имеется, как легко убедиться, явное противоречие. В самом деле, с одной стороны, в нём говорится лишь о том, что **английской стороной** было понято, что оба правительства придерживаются определённой точки зрения по вопросу о послевоенных соглашениях с малыми странами, но не утверждается, что было достигнуто какое-либо соглашение между обеими странами по этому вопросу. С другой стороны, тут же говорится, будто уже была достигнута определённая договорённость между **обеими странами** по тому же вопросу. Противоречие очевидное.

Каковы же факты?

Действительно, во время посещения В. М. Молотовым в июне прошлого года Лондона г-н Иден предложил договориться о том, чтобы Советский Союз и Великобритания не заключали с другими государствами в Европе, правительства которых находятся вне своей территории, договоров или соглашений по послевоенным вопросам без предварительной взаимной консультации и согласования. Спустя некоторое время советское правительство сообщило правительству Великобритании, что оно в принципе согласно с предложением г-на Идена, но при этом было указано, что советское правительство желало бы получить от английского правительства по этому вопросу конкретные предложения. Однако таких предложений со стороны английского правительства в дальнейшем не последовало, и, таким образом, всё дело ог-

раничилось лишь предварительным обменом мнениями.

Таким образом, в указанном сообщении английских газет содержится, как можно судить по вышеизложенному, ряд неточностей.

Это надо сказать, во-первых, относительно содержащейся в заявлении ссылки на якобы достигнутую в 1942 г. между советским и английским правительствами договорённость по указанному выше вопросу, так как в действительности переговоры по этому вопросу ограничились лишь предварительным обменом мнениями, и никакого соглашения, ни письменного, ни устного, достигнуто не было. Это относится, во-вторых, к содержащемуся в заявлении указанию на то, что переговоры, происходившие в 1942 г. в Лондоне, касались будто бы того, чтобы оба правительства воздерживались от заключения таких согла-

шений вообще, тогда как в действительности речь шла о том, чтобы такие соглашения не заключались без взаимной консультации и согласования.

Таковы факты.

Это не значит, однако, что на основе существующего англо-советского договора не может быть заключено соглашение, которое было бы приемлемо для обеих сторон. Англо-советский договор может быть для этого прекрасной базой.

Что же касается возможности заключения советско-чехословацкого договора или поездки г-на Бенеша в Москву, то, как это видно из предыдущего, нет основания считать, что для осуществления как того, так и другого имеются какие-либо препятствия в соглашениях или обязательствах между СССР и его союзниками.

Американская печать о советско-американских отношениях

Н. СЕРГЕЕВА

Проблема советско-американских отношений никогда ещё, пожалуй, с начала войны не была предметом столь горячей дискуссии на страницах американской печати, как в последние недели — во время победоносного наступления Красной Армии на советско-германском фронте.

За время войны авторитет Советского Союза в США, симпатии и интерес к нему значительно возросли. Доблесть советских воинов и героизм советского народа вызывают восхищение и признание в широких кругах американцев. Американские обозреватели высоко расценивают победы Красной Армии и значение их для общего дела союзников в борьбе против общего врага. Военный писатель Вернер, говоря о победах советских войск, писал недавно в газете «П. М.» («Пост меридиэм»):

«Русское наступление представляет собой лучшую подготовку к англо-американским действиям. В связи с ударами, наносимыми Красной Армией, численность германских войск в Западной Европе неизбежно уменьшается. Гитлер будет продолжать концентрировать свои силы на советском фронте, потому что успехи советских войск грозят уничтоже-

нием германской армии. Непрерывающееся давление русских означает сокращение численности германских войск в Западной Европе, что даёт англичанам и американцам наиболее благоприятную возможность для нанесения удара в Западной Европе».

В связи с победами русского оружия требования ускорения темпов разгрома Гитлера и сокращения сроков войны стали раздаваться в США всё настойчивее. Отражая эти настроения, обозреватель газеты «Нью-Йорк пост» Стил в связи с сообщениями о поражениях немцев в Донбассе писал:

«Союзники должны использовать благоприятную обстановку и создать во Франции, Бельгии и Голландии второй фронт, который может отвлечь 60 немецких дивизий с Восточного фронта. Это дало бы возможность Советскому Союзу ещё больше ускорить темпы своего наступления, отбросить германскую армию в Польшу и Румынию и подорвать позиции держав оси на Балканах».

Огромный интерес к Советскому Союзу в массах населения Соединённых Штатов и горячее сочувствие американского народа героической борьбе советского народа не могут не находить широкого отражения на страницах американских газет самого различного направления. Но вместе с тем в свя-

зи с общим изменением международного и военного положения, вызванного поражением гитлеровской Германии, известная часть американской печати, представляющая реакционные и пораженческие круги, усилила антисоветскую кампанию. Она пытается посеять недоверие к внешней политике Советского Союза и раздуть подлинные и вымышленные расхождения между СССР и его союзниками — линия, вполне соответствующая интересам агентуры Гитлера, делающего, как известно, очередную свою спекулятивную ставку на подрыв единства антигитлеровской коалиции.

Эти попытки встретили резкий отпор со стороны ряда влиятельных органов американской печати, поддерживающих на всём протяжении войны политику тесного сотрудничества с Советским Союзом. Вместе с тем многие газеты выражают озабоченность по поводу наличия «невьясненных» вопросов в отношениях между США и его советским союзником и выдвигают настойчивые требования, адресованные к правительству США: более отчётливо сформулировать свою внешнюю политику в ряде назревших вопросов и не давать пищи ни для каких «неясностей», провокационных слухов и подозрений по поводу отношений с СССР.

О том, какое значение придаёт американское общественное мнение отношениям с Советским Союзом, свидетельствует заявление газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», которая в начале сентября писала:

«Центральная проблема американской дипломатии, вокруг которой группируются все мелкие спорные вопросы, — это проблема отношений между США и Россией».

Дискуссия, развернувшаяся в американской печати, показывает, как чутко реагирует американское общественное мнение на попытки посеять недоверие в отношениях между союзниками, — цель, которую преследует усилившаяся в последнее время антисоветская кампания на страницах изоляционистских газет. Во главе этой кампании стоят заведомые пораженцы, сторонники компромисса с гитлеровской Германией. Эта часть печати, которая с самого начала войны более или менее открыто, в зависимости от обстановки, протаскивала идею компромисса с Гитлером, вела кампанию против общего дела Объединённых наций, против политики правительства Рузвельта и его программы вооружений, — одним словом, играла,

по существу, роль гитлеровской агентуры в США. Это газеты Херста, Паттерсона, Мак Кормика, Рой Говарда — органы умиротворителей: «Вашингтон таймс геральд», газета Рой Говарда «Нью-Йорк уорлд телеграмм», Мак Кормика «Чикаго трибюн», Херста «Нью-Йорк джорнел энд америкен», Паттерсона «Нью-Йорк дейли ньюс». На страницах этой печати в 1941 году можно было прочитать такие высказывания, как известное заявление одного из руководителей изоляционистского комитета «Америка прежде всего», Роберта Вуда, о том, что для США «безразлично, кто победит»: они должны ждать, с тем чтобы затем торговать с победителем.

Эти реакционные, изоляционистские круги с самого начала возникновения войны в Европе связывали свои политические расчёты с нападением Гитлера на Советский Союз. Накануне нападения Германии на СССР газета Рой Говарда «Нью-Йорк уорлд телеграмм» писала:

«Самое лучшее, что могло бы случиться для Западной Европы, — это если бы удалось повернуть Гитлера с Запада на Восток».

После нападения Германии на Советский Союз изоляционистская печать усилила антисоветскую кампанию и агитацию за компромисс с Гитлером. Эти газеты протаскивали идеи, выраженные в откровенном заявлении одного из наиболее ревностных друзей гитлеровской Германии по ту сторону океана — Чарльза Линдберга: «Лучше союз с Германией, чем с СССР». Эти газеты писали, что для США победа Советского Союза «более опасна, чем победа Германии». Пытаясь всеми силами помешать установлению сотрудничества между Соединёнными Штатами и СССР, они запугивали американцев опасностью «распространения коммунизма» в Америке в случае поражения Германии и требовали отказа в помощи не только России, но и Англии, если последняя «не даст заверения в том, что американское вооружение не попадёт в Россию».

После того как Соединённые Штаты вступили в войну с Германией, антисоветская и пораженческая агитация изоляционистской прессы приняла несколько более замаскированные формы. Но, по существу, она не прекращалась. Кроме «опасности большевизма» началась спекуляция на задачах войны с Японией. Агитация против открытия второго фронта и активизации военных

действий в Европе развернулась под тем предлогом, что, дескать, для США война на Тихом океане — «главная война», и связывалась с явно провокационными требованиями, чтобы СССР «открыл второй фронт» на Дальнем Востоке.

В 1942 году, перед началом большого летнего наступления немцев, пособники гитлеровской Германии в США пытались вбить клин между СССР и его союзниками с помощью клеветнических утверждений, будто СССР «собирается заключить сепаратный мир с Германией», будто он «стремится распространить коммунизм в Европе» и т. д. Такие же тёмные и провокационные «слухи», та же аргументация пускаются в ход и сейчас.

Антисоветская агитация определённой части американской печати находится в резком противоречии как с настроениями широких кругов американского общественного мнения, так и с общей линией американской внешней политики, характеризующейся, как известно, курсом на укрепление сотрудничества с Советским Союзом. Но пройти мимо изоляционистских, антисоветских вылазок всё же нельзя. Ибо, во-первых, упомянутые газеты тесно связаны с влиятельными капиталистическими кругами в Америке. Во-вторых, они выходят миллионными тиражами (в общей сложности около 10 миллионов экземпляров в день), и яд их аргументации проникает в широкие слои населения, сея известные подозрения и недоверие. В-третьих, наконец, некоторые идейки из арсенала изоляционистов подхватывает и начинает всерьёз обсуждать временами и более солидная пресса, как например «Нью-Йорк таймс» — газета, которая довольно часто пускается в разглагольствования насчёт вымышленных «неясности и подозрительности» политики Советского Союза.

Антисоветские вылазки, попытки посеять сомнения и подозрения по адресу Советского Союза получают отпор на страницах целого ряда влиятельных органов американской печати, отражающих общественное мнение своей страны и поддерживающих внешнюю политику своей страны, направленную к сотрудничеству с СССР.

Газета «П.М.», критикуя подрывную, антисоветскую пропаганду изоляционистской печати, предпринятую как раз в момент, когда позиции гитлеровской Германии резко

пошатнулись, указывает, что эта пропаганда льёт воду на мельницу Гитлера.

«Эти группы, — пишет газета, — в которые входят Херст, Паттерсон, Мак Кормик и которые в конгрессе представлены Дайсом, Гофманом и другими, поощряют трения между Соединёнными Штатами и Советским Союзом. Эти группы энергично действуют ради достижения одной и той же цели — разжигания американских предрассудков против Советского Союза. Каковы бы ни были их мотивы, эти группы являются отголоском гитлеровской пропаганды... Американские изоляционисты окольным путём возвращаются к своей старой линии. Раньше они возражали против участия США в войне в Европе. В настоящее время они хотят окончания войны в Европе без победы».

Те органы американской печати, которые резко отвергают провокационные выпады изоляционистской прессы, отражают не только настроения широких слоёв американского населения, но и влиятельных деловых кругов. Позиция этих последних по отношению к Советскому Союзу нашла выражение в известном письме председателя компании Морган банкира Томаса Ламонта, напечатанном в газете «Нью-Йорк таймс» в конце сентября 1942 года. Призывая к усилению помощи Советскому Союзу, Ламонт изложил реалистическую точку зрения на сотрудничество с СССР, разобрав те аргументы, которые приводятся «сомневающимися» в пользу и целесообразности этого сотрудничества:

«Некоторые считают союз Америки с Россией ненормальным. Но почему? Во время прошлой войны Россия была союзником Соединённых Штатов. За последние 150 лет Россия трижды выступала союзница с Англией против диктаторов, стремившихся покорить Европу: Наполеона, Вильгельма II и Гитлера. Эти союзы не были случайными. Мир в Европе сейчас, так же как и в 1812 и 1914 гг., зависит от стойкости России на востоке Европы и стойкости Англии на западе. Россия продала Соединённым Штатам Аляску, что сильно укрепило оборону США от Японии... Вся беда в том, что по мнению тех американцев, которые критикуют нравы и обычаи нашего стойкого союзника, долг Соединённых Штатов — воссоздать мир по своему образу и подобию. Я в этом сомневаюсь... Почему мы должны отказывать этой великой заморской нации в праве придерживаться её собственных мнений в вопросах политики, экономики и религии?»

Возражая тем американцам, которые «даже в этот момент, когда мир, затаив дыхание, следит за эпической борьбой у Сталингра-

да», продолжают «критиковать» Советский Союз, Ламонт писал:

«Одни критикуют его экономическую систему, другие его отношение к религии. Можно подумать, что эти критики предпочли бы, чтобы мы боролись против России, а не с ней. Эти Иеремии, живущие прошлым, а не настоящим, сокрушённо качают головой, боясь, как бы после войны советские теории не повлияли на нас. Им невдомёк, что главные цели нацистов представляют одну из самых непосредственных угроз существованию тех устоев жизни, которые нам дороги».

В выступлении Ламонта отразилось то широкое понимание роли Советского Союза в борьбе против гитлеровской Германии и значения этой борьбы для судеб американского народа и американского государства, которое и определило основную линию внешней политики США после начала советско-германской войны. Мнение тех кругов, которые взяли курс на сотрудничество с Советским Союзом и которые дают себе отчёт в плодотворных результатах этого сотрудничества, отчётливо представлено на страницах одной из влиятельных газет США, считающейся органом республиканской партии, — «Нью-Йорк геральд трибюн». 20 августа текущего года эта газета в передовой статье писала:

«Наша газета считала и считает, что нет никакого основания и принципиального конфликта между русскими и англо-американскими интересами. Мы считаем, что генеральные штабы России, Англии и Америки исходят из единого желания одержать победу как можно скорее, и мы заявляем, что никакие попытки некоторых, не в меру экспансивных или чересчур хитрых людей преувеличивать расхождения не могут задеть основные интересы этих стран».

Возражая тем, кто выражает разного рода сомнения по поводу позиции СССР, газета писала:

«Некоторые американцы опасаются, как бы русские не ворвались в Берлин раньше нас. Другие боятся, как бы Россия не заключила сепаратный мир и вообще не отказалась идти на Берлин. А есть и такие американцы, которые стремятся даже исключить Россию из участия в разрешении итальянской проблемы, хотя для нас очевидно, что только победы русских войск сделали возможным вторжение в Италию. Словом, у нас есть люди, которые так встревожены тем, что может сделать Россия после войны, что не видят, какое важнейшее и подавляющее участие она принимает в одержании победы. Эти люди, живущие в безвоздушном про-

странстве, были бы, собственно говоря, безвредны, если бы они не пытались влиять на официальную политику Вашингтона в русском вопросе. Интриги и противоречивые тенденции в нашей политике способны вызвать больше подозрений в Кремле, чем любые открытые и прямые высказывания, как бы они ни шли вразрез с точкой зрения русских».

В другой передовой статье в связи с опровержением помощника государственного секретаря Берли по поводу разного рода слухов, приписывающих государственному департаменту антисоветские тенденции, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» подвергает известной критике некоторые действия государственного департамента, как создающей почву для такого рода слухов и подозрений. Опровержение Берли, заявляет газета, не даёт объяснения «длительному и странному курсу» политики, порождающей такие слухи.

«Нельзя легко опровергнуть такие факты, — пишет «Нью-Йорк геральд трибюн», — как поддержка, которую встречают различные планы создания восточноевропейской федерации в Вашингтоне, ... как настойчивая поддержка со стороны государственного департамента, представителей Виши и бывших сторонников Виши и исключительно скудное признание Французского Комитета, на которое, наконец, решился Вашингтон... Кроме того американские государственные деятели ещё не решили центральной проблемы американской дипломатии — советско-американских отношений, вокруг которых, повидимому, вращаются все остальные проблемы. Вашингтон не достиг твёрдого соглашения с СССР там, где это соглашение возможно, не заявил ясно о каких-либо советско-американских разногласиях, если таковые существуют».

Стремление к дружбе с Советским Союзом, к укреплению сотрудничества и дальнейшему улучшению советско-американских отношений чрезвычайно наглядно проявилось в связи с попытками некоторых органов печати противопоставить укреплению англо-американских отношений сотрудничеству Англии и США с Советским Союзом, изобразить дело так, будто Советский Союз находится на одной стороне, а англичане и американцы — на другой. Наиболее характерным выражением этой тенденции явилась статья Форреста Дэвиса, обозревателя журнала «Сатердей иннинг пост», соавтора книги «Как произошла война». Выступление Дэвиса обратило на себя внимание и вызвало тревогу американской общественности, во-первых, потому, что он пользуется репу-

тацией хорошо осведомленного журналиста, близкого к влиятельным американским кругам, во-вторых, потому, что еженедельник «Сатердей инвинг пост» выходит тиражом в 3 миллиона экземпляров, и, наконец, самое главное, потому, что Дэвис задел животрепещущий вопрос внешней политики США— советско-американские отношения.

Форрест Дэвис в своей статье заявляет, что происходящее англо-американское сближение сопровождается «назреванием кризиса» между англичанами и американцами, с одной стороны, и Советским Союзом— с другой.

«Ни для кого не секрет, — пишет Форрест Дэвис, — что чем больше мы приближаемся к победе, тем больше будут обнаруживаться расхождения в послевоенных целях англичан и американцев, с одной стороны, и русских — с другой».

Аргументация Форреста Дэвиса воскрешает всё тот же старый, давно знакомый арсенал «подозрений» по отношению к Советскому Союзу. Он пишет:

«Когда в августе Красная Армия продемонстрировала свою силу и когда была проявлена сдержанность русских в отношении западных держав, наиболее осторожные деятели в Вашингтоне и в Лондоне начали задумываться над тем, не уничтожаем ли мы нацистскую гегемонию в Европе лишь для того, чтобы открыть путь для гражданской войны и нового царства террора».

Форрест Дэвис утверждает, что «страх и подозрительность» в отношении политики СССР после войны начали занимать место англофобских тенденций, характерных для влиятельных американских кругов.

«В официальных беседах в Вашингтоне, — пишет Дэвис, — туманное недовольство Англией стало постепенно уступать место сильному страху перед послевоенными целями Кремля. В середине лета Россия стала подозрительным союзником в глазах вашиingtonских кругов».

Попытки противопоставить «англо-американцев» Советскому Союзу получили энергичную отповедь на страницах ряда влиятельных газет США, подчёркивающих, что такое противопоставление совершенно необоснованно и чревато серьёзными опасностями для государственных интересов США.

«Для прочного всеобщего мира, — пишет 3 сентября военный обозреватель «Нью-Йорк геральд трибюн» Эллиот, — необходимо сотрудничество Англии, Соединённых Штатов и Советского Союза. Од-

ного англо-американского сотрудничества недостаточно».

Это мнение разделяется органом американских деловых кругов «Уоллстрит джорнел». Обозреватель этой газеты Кент пишет:

«Огромная проблема предотвращения общего экономического краха в Европе после окончания войны требует сотрудничества США, Англии и Советского Союза... Независимо от прочности англо-американского послевоенного союза весьма желательно соглашение с Россией».

Даже «Нью-Йорк таймс», охотно подхватывающая всякие «сомнения» в отношении Советского Союза, по основному и принципиальному вопросу высказывается в духе общего настроения:

«Мы не желаем подчёркивать или обострять действительные или потенциальные разногласия между Россией и другими западными союзниками. Наоборот, мы считаем, что единственным фактором, имеющим теперь значение, является возможно близкое сотрудничество между Россией, Великобританией и США в духе полного доверия, как в достижении победы, так и в деле сохранения мира».

В выступлениях провинциальных американских газет можно найти в последнее время ряд высказываний, выражающих самые горячие надежды на благоприятное разрешение всех вопросов, возникающих в связи с советско-американскими отношениями.

Газета «Кроникл», комментируя появившуюся в журнале «Война и рабочий класс» статью о восточноевропейской федерации, пишет, что Соединённые Штаты должны приветствовать участие и руководящую роль Советского Союза в послевоенной организации.

«Без Советского Союза невозможно добиться устойчивости после войны», — заявляет газета.

Люисвилльская газета «Курьер джорнел», выходящая в Мильвоки «Джорнел», газета «Пост диспетч» (Сан-Луи) выступают с заявлениями, что американцы искренно желают тесного сотрудничества и соглашения с Советским Союзом.

Известный обозреватель «Нью-Йорк геральд трибюн» Уолтер Липпман, как бы подводя итоги дискуссии о советско-американских отношениях, замечает:

«Установление советско-американских отношений на прочной, дружественной и разумной основе представляет собою важнейшую задачу государственного департамента и Рузвельта».

Эти слова отражают настроения широких кругов американцев, желающих обеспечить дальнейшее развитие и укрепление установившихся дружественных отношений с Советским Союзом и сотрудничества с ним, усматривающих в этом сотрудничестве залог

победы над Гитлером и установления прочного мира.

Такие настроения целиком разделяет общественное мнение Советского Союза, где с живейшим интересом следят за обсуждением в американской печати вопросов советско-американских отношений.

В концентрационных лагерях Франции и Северной Африки*

К. ЛАВРИЕНКО, Н. ЛОСЕВ, Г. ВИЗНЕР

События во Франции развивались с молниеносной быстротой. Полиция решила, что в лагерях следует усилить строгости. Для тюремщиков игра их хозяев, отдававших Францию «наследственному врагу», была непонятна. Один из тупых администраторов лагеря Вернэ решил, что наступило время «подтянуть дисциплину», и избил двух заключённых. В лагере был введён казарменный режим: подъём, отбой, четыре переклички в день, обязательное приветствие при встречах с администрацией и жандармами. Жандармы ежеминутно врывались в бараки. Это называлось «проверкой состояния помещения».

Между тем каждый день, каждый час приносил страшные новости. Париж был сдан без боя. Французская армия фактически прекратила своё существование. Первых дезертиров и первых беженцев мы видели даже сквозь колючую проволоку лагерей. Некоторые из творцов «невмешательства» — из мюнхенцев, — испугавшись Гитлера вблизи, кинулись под защиту генерала Франко. Они на автомобилях проносились мимо Аржеле-са. Фалангисты встречали их куда приветливее, чем французские жандармы встречали в своё время бойцов интернациональной бригады и республиканских солдат.

* * *

Франция капитулировала. Лагери оказались, правда, в неоккупированной немцами зоне, но правительство Виши быстро показало, что методы гестапо ему вовсе не чужды.

Внутренняя охрана лагеря Вернэ была передана в руки вооружённой фашистской молодёжи. Начались избиения по любому

поводу. Среди молодых фашистов были участники испанской войны. Конечно, они принимали в ней участие на стороне Франко и сводили в лагере старые счёты. Они были хорошо знакомы с фашистскими методами расправы. Так, когда несколько заключённых решили бежать из лагеря и администрация об этом узнала, она не приняла никаких мер для предотвращения побега, но устроила засаду и расстреляла беглецов в упор. В другой раз, когда один узник, пытаясь бежать, застрял среди проволочных заграждений, часовой спокойно подошёл к нему и убил его выстрелом в голову.

Однако страшнее издевательств, избиений и даже убийств оказался голод. Снабжение лагерей прекратилось. Всякое общение с внешним миром было запрещено. Мастера сложили свои инструменты. Помощи извне не было. На перекличках многие падали. В бараках стояли лужи. Свиристествовал брюшной и сыпной тиф. Рядом с лагерями росли кладбища.

Нельзя не отметить, что столь откровенное выслушивание перед Гитлером и столь явно гестаповские методы были результатом прихода к власти Лаваля. До него французские фашисты ещё действовали кустарными, доморощенными способами.

Но пленники не падали духом. Своей сплочённостью мы не раз одерживали победы в лагерях. 9 февраля 1941 года, в двухлетнюю годовщину перехода франко-испанской границы, на глазах у растерявшихся жандармов и молодых фашистов состоялся парад. Интеровцы, условившись обо всём заранее, быстро и чётко построились перед бараками. Был оглашён специальный «приказ», содержавший оценку боевых действий интернациональных бригад в Испании. Затем была почтена память павших. После это-

* Окончание. Начало см. № 8 нашего журнала.

го под пение наших боевых песен мы прошли по лагерю церемониальным маршем. Все остальные заключённые выскочили из барakov и горячо аплодировали.

Лагерная администрация перепугалась, запросила Виши, как быть, и получила указание: «Приступить к решительным действиям». Они начались с провокаций. В Верне их организовывал полицейский комиссар Людман, известный своими симпатиями, больше того — своею преданностью Гитлеру. Под выдуманным предлогом Людман велел арестовать двух интеровцев. Мы отказались выдать товарищей, и полиция не смогла арестовать их в течение трёх дней. Людман распорядился прекратить выдачу заключённым и тех жалких рационов, которые они ещё получали. Три дня мы оставались без всякой пищи. Тайком обитатели других барakov приносили нам часть своего ничтожного пайка. Приношения распределялись между больными и наиболее истощёнными.

В лагерь Аржелес приехала комиссия, включавшая в себя и немцев. Целью её было уговорить заключённых всех национальностей отправиться в Германию на работы. Интеровцев тоже построили по национальным группам и повели на «смотр». Вызвали и нас, русских. Мы все как один с негодованием отклонили гнусные предложения работать на немцев. Нас тотчас же под конвоем отправили обратно в лагерь. К немцам пошли только несколько испанских анархистов.

* * *

15 марта 1941 года администрация аржелесского лагеря получила предписание погрузить интеровцев на пароход для отправки в Северную Африку. Режим концлагерей Северной Африки и в мирное время был известен своим колониальным произволом, климатические условия крайне неблагоприятны, последние возможности моральной и материальной помощи извне, как и всякая связь с миром, должны были отпасть. По существу, такая отправка равнялась смертному приговору, приводимому в действие с отсрочкой.

Старосты каждой национальной группы опросили всех своих товарищей. Ни один не хотел уезжать в Африку. Тогда коменданту было сообщено, что единственное стремление всех пленников — отправиться на свою родину и что они категорически отказываются выполнить приказ.

17 марта должны были быть погружены на пароход две первых группы. Пришли грузовики, был отдан приказ грузиться. Ни один человек не вышел из барakov. Под общий смех грузовики ушли пустыми.

22 марта сменившиеся после обеда жандармы оказались в касках и в полном вооружении. Вскоре был объявлен приказ об отправке на пароход нескольких групп интеровцев, в том числе русских, украинцев, белоруссов и бессарабцев. Мы все снова ответили отказом. К нам пришёл главный комиссар лагеря и заявил: «Мы вас всё равно отправим, и я не отвечаю, если произойдут какие-нибудь инциденты».

Вечером лагерь был оцеплен жандармами. Ночью мы слышали подозрительный шум. По лагерю проходили солдаты колониальных войск. Их расставили на всех перекрёстках.

Утром комендант приказал вывести заключённых к воротам лагеря. Вышло только несколько человек. Тогда на лагерь двинулись жандармы. Они шли сплошной стеной около часу, их было не меньше 6 тысяч. Интеровцев же в лагере было всего 900. На всех перекрёстках были установлены пулемёты. За рядами жандармов встали бронемашины.

В 9 часов утра прибыл префект департамента. Он пришёл в барак с пышной свитой и произнёс речь. Он доказывал, что во Франции не хватает продовольствия, чтобы кормить нас, что в Африке для нас найдётся работа, что мы будем там жить почти на свободе и, во всяком случае, — в полном благополучии. Под конец префект перешёл на угрозы и сказал: «У меня хватит сил, чтобы справиться с вами. Я не остановлюсь и перед применением артиллерии». И широким жестом он показал на миноносец, появившийся утром у берега.

Во избежание провокаций мы решили заранее оказывать только пассивное сопротивление, а «боя» не принимать. Префект ждал ответа. Он стоял в такой позе, как будто собирался немедленно дать приказ своему флоту открыть огонь. Но интеровцы понимали, что такой огонь поразит не только женщин и детей, но и самих жандармов. Кроме того мы знали, что немцы сняли с орудий замки и отобрали снаряды, и рассмеялись префекту в лицо. Префект рассвирепел и отдал жандармам приказ «приступить к действию».

Прежде всего всех загнали в барак. За-

тем жандармы врывались в бараки, вызывали назначенных к отправке. Те протестовали, а в ответ на приказ забирать вещи и выходить садились на песок или на нары. Тогда жандармы набрасывались на них и избивали.

Как только первого избитого поволокли к воротам, заключённые выскочили из всех бараков. Раздались громкие крики: «Мы хотим на родину!», «Мы не хотим в Африку!», «За что нас два года держат в лагерях без суда?», «Да здравствует французский народ! Франция — с нами!»

Эти крики были слышны далеко за пределами лагеря. Жандармы, стоявшие вокруг лагеря, кинулись в ворота, заряжая винтовки. Дорогу себе они очищали прикладами. Нескольких интеровцев, вовсе не назначенных к отправке, но оказавшихся на их пути, они избили и бросили в грузовики.

В половине одиннадцатого от миноносца отделилась шлюпка с вооружёнными матросами. Префекту показалось, что у него недостаточно резервов, и он вызвал десант с моря. Десант, впрочем, предназначался не интеровцам, а испанским женщинам. Возмущённые тем, что они увидели, эти женщины бросились к интеровским баракам. Они кричали: «Мы не позволим бить наших друзей!»

Они вступили в настоящий бой с жандармами. Бросали им песок в глаза, чтобы прорвать их цепь, кидали в них камнями, отнимали у них винтовки и каски и кидали в море. Женщины даже стали вырывать провололочные заграждения. Префект послал против них целый жандармский батальон. Женщинам усердно помогали дети. И жандармы отступили перед ними.

Только в два часа дня жандармы получили, наконец, возможность возобновить свои «операции». Опять начались избиения. Били теперь и в бараках, и на ходу (по несколько раз бросали человека на песок и накидывались на него с кулаками и прикладами), и у ворот, и в машинах. Притащив пленника к машине, жандармы передавали его другим и рекомендовали «задать ему перцу». Били по дороге в порт, били на пристани (до неё от Аржелеса около 10 километров).

Примерно в это же время нескольких интеровцев, антифашистов-немцев и представителей других национальностей вишийские власти передали из лагеря Вернэ в руки гестапо. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Аржелесский лагерь остался под усиленной охраной. Через несколько дней после

первой отправки в Африку снова явились отряды жандармов и принялись за окончательную сортировку заключённых и за ликвидацию наших бараков. Всех разослали в разных направлениях. Часть интеровцев, в том числе мы, русские, украинцы и белоруссы, были переведены в тюрьму Коьер. Это старинная мрачная и сырая крепость. Здесь нас нагрузили тяжёлыми работами, во время которых многие часто падали в обморок. За 18 дней пребывания в этой крепости несколько человек умерло от истощения. Затем французские власти погрузили нас на пароход и отправили в Африку.

* * *

Пароход «Джебел-Амур» пересёк Средиземное море под усиленным конвоем. В Оране на пристани был выстроен огромный жандармский отряд. Когда нас повели в тюрьму, конвойных было столько, что население не увидело конвоируемых, а конвоируемые — населения.

В Оранской тюрьме нас в первый или на второй день кормили жирными макаронами. Все жадно набрасывались на них. Но жир оказался касторовым маслом. Это было маленьким развлечением тюремщиков.

Из тюрьмы нас вскоре отправили на редут Боссюэ. От конечной железнодорожной станции до редута (18 километров) нас вели скованными попарно.

Комендант редута, лейтенант Бьянки, оказался армейским пьянчужой. Он сказал вновь прибывшим: «Кто вы и что вы, — меня не касается. Мне приказано вас охранять, я буду вас охранять. Будете пытаться бежать — застрелю. Будете вести себя хорошо — у меня нет никаких оснований относиться к вам плохо».

Редут — это пространство в $\frac{1}{4}$ километра на высоте 1200 м над уровнем моря, обнесённое каменной стеной с башнями, на которых стоят часовые-арабы.

Пьяница-комендант выполнил своё обещание. Он разрешил интеровцам создать самоуправление и покупать хлеб. Прибывшие из Вернэ поделились вещами с прибывшими из Аржелеса: те после избиения их жандармами остались без одежды и белья. Интеровцы на сохранившиеся гроши (все вывернули карманы наизнанку) купили хлеба, разделили его поровну и устроили «пир».

Этот «отдых» длился всего две недели. Затем нас отправили в Джельфу, на границу Сахары, в пустыню. На холме стояли па-

латки, окружённые проволочными заграждениями. Высота над уровнем моря—1300 метров. Днём — нестерпимая жара, ночью — резкий холод. Зимой — дожди и снег, сильные ветры. Охрана — арабы, набранные из самых тёмных и подозрительных элементов. В лагере мы застали французов-антифашистов. Однако нам отвели специальный раздел лагеря, отделённый от остальных проволочными заграждениями. Разговаривать с французами часовые запрещали. Французы, стоя за проволокой, встретили нас насвистыванием песни о сибирских партизанах. Только с наступлением темноты удалось поговорить.

Комендант лагеря Кабош встретил нас несколько иначе. Он прямо заявил: «Я сделаю всё, чтобы вас уничтожить. Все вы будете плеваться кровью».

Французы рассказали ночью, что Кабош, участник советско-польской войны и сотрудник второго бюро (французской контрразведки), по симпатиям — отъявленный фашист, а по поступкам — отъявленный мерзавец. Наутро французов отправили в Боссию, и мы остались с Кабошем одни. На два года.

* * *

В Джельфе мы узнали, что 22 июня 1941 года Гитлер напал на Советский Союз.

Сперва все думали, что, как в Боссию, нам оставят самоуправление, хотя бы уже потому, что было трудно управлять через невежественных и не говорящих по-французски арабов. Однако провокаторы и троцкисты, доставленные предусмотрительно и в Африку, решили, что им выгоднее, не таясь, управлять самим. Они вошли в сношения с комендантом, «своя своих познаша» быстро, — власть перешла в их руки.

При лагере имелась ещё и тюрьма. Она была всегда переполнена. Сажали в неё без всякого повода. Издевательства и избиения производились ежедневно. Несмотря на адскую жару, выходить из палаток, где, тесно прижатые друг к другу, помещались 13 человек, запрещалось. Норма хлеба была 160 граммов на человека в день. Обед состоял из супа, а суп — из воды с гнилой морковью.

Однажды торжествующий Кабош, уверяя заключённых, что Германия через три недели разобьёт Россию, предложил им записаться добровольцами в «антибольшевистский легион». Добровольцев он, конечно, не нашёл, но тюрьма в тот день вместила рекордное число арестантов.

Начались эпидемии. Сперва — дезинтерия,

которой переболели поголовно, затем — брюшной тиф. Потом появился и сыпняк.

Жизнь стала легче, когда начали поступать вести об успешных операциях Красной Армии. Уже разгром немцев под Москвой отрезвляюще подействовал на местных фашистов: охранники стали сговорчивее и любезнее. Летом отменили запрещение выходить из палаток. К июню 1942 года началось переселение в бараки, выстроенные нами из земляного кирпича. Даже питание немного улучшилось.

Высадка союзников в Северной Африке сперва не отразилась на положении заключённых. С одной стороны, Джельфа была далеко от союзных армий, с другой, — администрация делала вид, что события её не касаются. Те, кто отдавали распоряжения Кабошу, остались на своих местах, и Кабош поэтому не видел оснований, чтобы переменить своё поведение.

Правда, он, видимо, всё же задумывался над происходящим. Когда немцы были разгромлены под Сталинградом, Кабош явился в лагерь и заявил интеровцам, что, собственно говоря, он француз и офицер и не прочь даже напомнить об этом немцам «с оружием в руках».

Но этот хамелеон недолго либеральничал. Разгром немцев под Сталинградом, как и операции союзников, подействовали не на него одного. Лагерь волновался. Кабош не в силах был справиться с интеровцами, четырёхлетнему терпению которых приходил конец.

По совету своих помощников, испанских анархистов, Кабош решил перевести нашу группу советских граждан в крепость Кафарелли. Он считал, что именно русские — зачинщики всех беспорядков.

Повторилась знакомая картина: мы отказались покинуть лагерь, два дня нас уговаривали, затем были вызваны войска с пулемётами. «Бунтовщиков» вывели за ворота, окружили солдаты и препроводили в крепость. Здесь нам пришлось пробыть ещё полтора месяца. Мы прекрасно знали, что общественное мнение всего мира давно с возмущением требует освобождения интеровцев. Мы знали также, что представители советской власти делают всё, чтобы добиться скорейшего освобождения советской группы. Однако Кабош явился в крепость и пригрозил, что перевешает «бунтовщиков». Мы расхохотались ему в лицо.

И вот пришёл желанный час нашего осво-

бождения. В крепость прибыли представители советской делегации.

...С огромной радостью вступили мы на родную землю. Позади остались долгих, мучительных, кошмарных четыре года пребывания в концлагерях.

Вера в нашу родину, в Красную Армию, в неизбежную победу и в гений товарища Сталина придавала нам силы и бодрость на далёкой чужбине. Мы знали: час нашего освобождения настанет. И он настал.

15 сентября

Войска Центрального фронта после ожесточённых боёв овладели крупным железнодорожным узлом и городом Нежин.

В Болгарии сформирован новый кабинет министров во главе с Божилковым.

16 сентября

Войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с кораблями и частями Черноморского флота после пятидневных боёв заняли город Новороссийск.

Войска Центрального фронта успешно форсировали реку Десна и овладели городом Новгород-Северский.

17 сентября

Войска Брянского фронта овладели важнейшими опорными пунктами обороны немцев на рубеже реки Десна, крупными промышленными центрами — городами Брянск и Бежица.

Президент США Рузвельт обратился к конгрессу с посланием, в котором даёт обзор военных действий за последние месяцы.

18 сентября

В Чунцине открылась 2-я сессия национально-политического совета Китая. На открытии сессии с речью выступил президент национального правительства Китая Чан Кай-ши.

19 сентября

Войска Калининского фронта овладели городами Духовщина и Ярцево.

В Лондоне состоялся митинг представителей лондонских профсоюзных организаций. На митинге выступили председатель советской профсоюзной делегации на 75-м конгрессе британских тредьюнионов тов. Шверник и генеральный секретарь Конгресса тредьюнионов Ситрин.

Хроника международных событий

(СЕНТЯБРЬ 1943 года)

21 сентября

Войска Центрального фронта заняли областной центр Украины город Чернигов.

Премьер-министр Черчилль, вернувшийся из США, выступил в палате общин с обзором международного и военного положения.

Умер английский министр финансов Кингсли Вуд.

Французские войска под командованием генерала Жиро высадились на острове Корсика и заняли город Аяччо — столицу острова.

Английские войска заняли острова Самос, Кос и Кастелоризо (в Эгейском море).

22 сентября

В Минске убит германский «генеральный комиссар» Белоруссии гитлеровский сапран Кубе.

23 сентября

Войска Степного фронта заняли областной центр Украины город Полтава.

24 сентября

В Копенгагене и ряде других крупных городов Дании произошли антигерманские выступления.

25 сентября

Войска Западного фронта форсировали реку Днепр и после упорных боёв овладели городом Смоленск.

Опубликовано сообщение Информбюро Наркоминдела, в котором говорится, что в результате обмена мнений между правительствами Советского Союза,

США и Великобритании учреждена Военно-Политическая Комиссия в составе представителей правительств США, Великобритании и СССР с участием представителя Французского Комитета Национального Освобождения. Представителем Советского Правительства в Военно-Политической Комиссии назначен тов. А. Я. Вышинский.

В составе английского кабинета министров произведены некоторые изменения. Заместитель премьер-министра Эттли назначен одновременно лордом-председателем совета. Министром финансов назначен Джон Андерсон. Лорд Крэнборн назначен министром по делам доминионов. Лордом-хранителем печати назначен лорд Бивербрук. Ричард Лоу возведён в ранг государственного министра.

Палата представителей США приняла резолюцию. Фулбрайта, высказывающуюся за участие США в будущей международной организации по обеспечению мира.

26 сентября

Заместитель государственного секретаря США Уэллес ушёл в отставку. На пост заместителя государственного секретаря назначен Стеттиниус.

В Алжире подписано соглашение между США и Французским Комитетом Национального Освобождения о взаимной помощи в ведении войны.

27 сентября

Декретом президента Рузвельта в США создано Управление по вопросам экономической деятельности в иностранных государствах.

28 сентября

Войска союзников вступили в предместья г. Неаполя.

29 сентября

Части Красной Армии после трёхдневных упорных боёв овладели городом Кременчуг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ и ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ следующие КНИГИ и БРОШЮРЫ:

О. КУУСИНЕН. Финляндия без маски. Стр. 80, ц. 1 руб.

I. Истоки антисоветской политики Финляндии. Шовинизм особого рода. Страх перед своим народом. Алчность финской плутократии. **II. Как Финляндия впряглась в военную колесницу германского империализма.** Экономические узы. Политические узы. Подготовка антисоветской войны. Включение Финляндии в войну Гитлера. **III. Гитлеризованная Финляндия.** Как немцы высасывают соки из тела Финляндии. Немецкие хозяева и финские лакеи. Двумличие в целях перестраховки. «Демократия» во вкусе гитлеровцев. Экономический кризис. Голод. Отчаяние и моральное разложение. **IV. Перспективы борьбы за ликвидацию гитлеризма в Финляндии.** Рост возмущения и активного сопротивления трудящихся. Рост недовольства в рядах армии. Ненависть и борьба народа Карело-Финской ССР. Растерянность и распри в правящем классе Финляндии. Обречённость фашистской авантюры.

Л. ВОЛЫНСКИЙ. Франция на подъёме. Стр. 54, ц. 1 руб.

От капитуляции к пособничеству. Как накоплялась ненависть. Конец комбинского шутовства. В строю объединённых наций.

И. НИКИТИНСКИЙ. Гитлеровский шпионаж. Стр. 40, ц. 40 коп.

Гитлеровская разведка и её агентура. Шпионы-дипломаты. Фашистские шпионские центры за границей. Роль торгово-промышленных фирм в шпионской работе гитлеровцев. Немецкие колонисты и гитлеровский шпионаж. Гитлеровский шпионаж в современной мировой войне. Советский народ бесстрашно борется с гитлеровской агентурой.

Генерал-майор Н. ТАЛЕНСКИЙ. Великое сражение под Сталинградом. Стр. 32, цена 50 к.

Военная обстановка к началу лета 1942 года и планы немецкого командования. Оборонительное сражение под Сталинградом. Город-боец. Удар Красной Армии и окружение сталинградской группировки немцев. Ликвидация попыток немецкого командования прорвать кольцо окружения в районе Сталинграда и освободить свою группировку. Уничтожение окружённых немецко-фашистских войск. Результаты и последствия разгрома немецких войск под Сталинградом.

П. МУСЬЯКОВ. На защите Севастополя. Стр. 40, цена 50 к.

Береговая оборона. Приморская армия на защите Севастополя. Лётчики осаждённого города. На кораблях. Город-герой.

Подполковник Н. ТОКАРЕВ. Военно-морской флот СССР в Отечественной войне. Стр. 64, цена 1 руб.

Из славного боевого прошлого русского флота. Большой Военно-Морской флот СССР. Военно-Морской флот в Отечественной войне. Добъём фашистского зверя.

И. СОСЕНСКИЙ. Австралия и Новая Зеландия. Стр. 56, ц. 1 руб.

Краткий исторический очерк. Физико-географический очерк. Административное устройство и население. Образование. Культура. Экономический очерк. Государственный строй. Вооружённые силы. Австралия во второй мировой войне. Новая Зеландия.

С. МЕЛЬМАН. Индия. Стр. 148, ц. 2 р. 50 коп.

Физико-географический очерк. Население. Административно-политическое деление. Исторический очерк. Экономический очерк. Государственный строй. Индия во второй мировой войне.

О. КЛЕСМЕТ. Бразилия. Стр. 32, ц. 70 коп.

Краткий физико-географический очерк. Административное деление и население. Исторический очерк. Экономический очерк. Бразилия во второй мировой войне.

РАЗГРОМ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ ПРУССИИ (1756—1762). Документы. Стр. 88, ц. 1 р. 50 к.

Введение. Начало войны. Кампания 1757—1758 гг. Кампания 1758 г. Осада Кюстрина, сражение при Цорндорфе. Кампания 1759 г. Сражение при Пальциге и Кунерсдорфе. Кампания 1760 г. Взятие Берлина. Кампания 1761 г. Взятие Кольберга.

Д. ВЛАХОВ. Греческий народ в борьбе против фашистских захватчиков. Стр. 80, ц. 75 коп.

И. ЮДИН. Следы фашистского зверя на Кубани. Стр. 32, цена 30 к.